

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПИТЕР ДЖЕЙМС

ПРОРОЧЕСТВО

В мире
продано более
50 миллионов
экземпляров
книг Питера
Джеймса!

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Питер Джеймс

Пророчество

«Азбука-Аттикус»

1992

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс П.

Пророчество / П. Джеймс — «Азбука-Аттикус», 1992 — (Звезды
мирового детектива)

ISBN 978-5-389-14739-3

В сутолоке вокзала Франческа Монсанто сталкивается с галантным джентльменом и его симпатичным сынишкой. Мужчина помогает ей занести багаж в вагон, и девушка, помимо признательности, чувствует необъяснимое притяжение к незнакомцу. Вскоре – совершенно случайно! – ей на глаза попадает частное объявление в журнале. Франческа приходит в замешательство, понимая, что тот привлекательный мужчина, которого она мельком видела на вокзале, ищет с ней встречи. Отбросив сомнения, она решает ответить Оливеру Халкину согласием. Череда ужасных катастроф, происходящих вслед за этим, казалось бы, не может быть связана с ее новым, таким приятным знакомством. Но когда отношения с Оливером и его странным маленьким сыном оборачиваются настоящим кошмаром, Франческе становится ясно: кровавые события не являются простым совпадением.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14739-3

© Джеймс П., 1992
© Азбука-Аттикус, 1992

Содержание

Пролог	6
1	10
2	13
3	17
4	21
5	28
6	37
7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Питер Джеймс Пророчество

© Перевод. ООО «Издательство Центрполиграф», 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Джесси

Пролог

26 марта 1652 года

По одной из улиц Лондона торопливо шагали мужчина и мальчик, стараясь держаться в стороне от сточных канав. Мужчина крепко держал мальчика за руку тощими, костлявыми пальцами и сворачивал то в один темный переулок, то в другой, словно крыса, заучившая свой путь в лабиринте.

Мальчик был в растерянности и не знал, что и думать: этот незнакомый человек не нравился ему. Он пошептался о чем-то с матерью мальчика, и та не поцеловала сына и даже не посмотрела на него, когда мужчина уводил его. Они шли уже довольно долго; на город спускались сумерки, лил дождь, мальчик устал и хотел есть. И ему было страшно.

Вскоре они остановились на заднем дворе большого дома, и мужчина громко постучал. Дверь немного приоткрылась, на них с подозрением смотрела черноглазая женщина.

– Входите, – произнесла она, и дверь открылась шире.

Мужчина втолкнул мальчика в кухню.

Такая женщина кого угодно смогла бы напугать. Она была высока, одета в черное платье. Злое лицо туго обтягивала кожа, и мальчику казалось, что на него смотрит череп.

– Сколько ему лет?

– Восемь, – ответил мужчина.

– Он воняет.

– Его надо помыть, вот и все.

Женщина внимательно рассматривала мальчика. Светлые кудри, свалевшиеся от грязи, большие голубые глаза, курносый нос, уголки губ угрюмо опущены. Он был в грязных лохмотьях, бос.

– Подождите здесь, – произнесла она.

Мальчик стоял, уставившись в каменный пол, поглядывая на пламя в очаге и на котел над огнем, из которого шел едкий, неприятный запах.

Через несколько мгновений дверь снова открылась, и женщина вернулась в сопровождении высокого прихрамывающего мужчины, одетого в длинный, до пола, расшитый золотом халат. Жестокое, самодовольное лицо обрамляла аккуратно подстриженная борода. Он остановился в дверях и с одобрительной улыбкой посмотрел на мальчика.

– Хорошо, – произнес он. – То, что надо.

Приволакивая ногу, он подошел поближе к мальчику и снова остановился, любуясь им.

– Превосходно.

Мальчика удивила одежда незнакомца и его аристократическая внешность. Мужчина подошел еще ближе и внезапно одним быстрым движением сорвал с ребенка одежду, которая упала к его ногам.

Мальчик потрясенно смотрел на незнакомца. Вельможа сделал еще шаг к малышу и положил ему руку на плечо. Мальчик дернул головой, с силой укусил запястье мужчины и рванулся к двери в дальнем конце кухни.

Человек, который привел его сюда, ухватил мальчика за волосы и крепко держал. Вельможа расхохотался:

– Замечательный, бойкий мальчик. На этот раз ты исполнил все очень хорошо.

– Благодарю вас, милорд.

– Хорошо, – повторил он, разглядывая тело мальчика с растущим удовлетворением. – Я награжу... – Он остановился, услышав неясный шум за дверью кухни. Вельможа нахмурился. – Они пришли рано. Слишком рано. Они должны были прийти не раньше чем через два часа, не так ли? – Он повернулся и посмотрел сквозь открытую дверь в коридор.

Через порог шагнул человек в высокой черной шляпе и черном мундире с жестким белым воротничком. Его сопровождал отряд солдат в красных, подпоясанных шарфами мундирах и серых бриджах армии парламента.

Вошедший обвел комнату стальным взглядом и, обнаружив вельможу, произнес с недоброй улыбкой:

– Добрый вечер, Фрэнсис. Я не помешал твоим забавам?

– Что значит твоё вторжение, Томас? – Вельможа раздраженно уставился на солдат, столпившихся в дверях; решительные взгляды солдат не предвещали ничего хорошего.

Человек в черной шляпе посмотрел на женщину и стоящего возле нее мужчину с крысиным лицом.

– Кто привел сюда ребенка? – Не услышав ответа, он повторил громче и строже: – Кто привел его?

– Я, – произнес мужчина с крысиным лицом.

– Оденьте его и отведите обратно. – Он повернулся к женщине. – Сколько сейчас в доме слуг?

Женщина взглянула на своего хозяина, словно прося позволения ответить.

Раздражение на лице вельможи сменилось неуверенностью.

– Томас, я не буду заниматься этим. Забери своих людей, и немедленно уходите.

Человек в черной шляпе не обратил на его слова ни малейшего внимания и продолжал смотреть на женщину.

– Я хочу, чтобы все слуги покинули дом и не возвращались до наступления комендантского часа. Понятно? – Он повернулся и кивнул солдатам.

Те шагнули вперед и схватили вельможу за руки. Тот был в ярости.

– Томас, брат мой! Ради бога! Ты понимаешь, что делаешь?

– Бог? Ради бога? – насмешливо отозвался брат. – Что знаешь ты о Боге, ты, который отверг его двадцать пять лет назад?

Он вышел из кухни и по коридору прошел в красиво отделанный холл: пол был вымощен черными и белыми плитами, на стенах – свечи в резных подсвечниках, вдоль стен стояла позолоченная мебель. Солдаты во главе с сержантом протащили следом вельможу в халате, на них его протестующие вопли действовали не больше, чем на брата.

Они спустились в темный, омерзительно пахнувший подвал и замерли у двери, перед которой горела свеча. Томас побренчал ключами перед носом своего брата, открыл дверь и вошел в огромное подвальное помещение.

В очаге с кирпичным дымоходом, устроенном у дальней стены, ярко горел огонь; треск поленьев, как ружейные выстрелы, эхом отдавался от кирпичных стен и каменного пола. На стенах висели каменные таблички; на некоторых были пятиконечные звезды, на других – ряды чисел. Черепа и кости людей и животных лежали на полках между горящими черными свечами.

В конце комнаты на возвышении, похожем на алтарь, стояла кровать, застланная покрывалом с бахромой. По углам торчали массивные черные свечи. На аналое лежала книга в кожаном переплете.

Пока солдаты, трепеща от страха, озирались по сторонам, человек в черной шляпе кивнул брату:

– Огни ада уже зажжены, милорд?

– Больше я не собираюсь играть в эти игры, Томас. Чего ты хочешь?

– Это не игра, Фрэнсис, уверяю тебя. Это то, что ты устроил себе сам. Я ухожу, мне предстоит проделать долгий путь до темноты. Так что с твоего позволения я удаляюсь. Оставляю тебя на попечении сержанта Прудлава. Он во всех отношениях прекрасный человек и отец троих мальчишек.

Томас кивнул сержанту с грубым тупым лицом и вышел. Не обращая внимания на крики брата, он плотно закрыл за собой дверь подвала.

– Значит, любите развлекаться с маленькими мальчиками, ваша светлость? – спросил сержант.

Взглянув на него, на каменные лица шестерых солдат, вельможа почувствовал, что ярость куда-то исчезла. Его охватил липкий, холодный страх.

– Ваше вторжение недопустимо, – выдавил он из себя.

– Еще одно небольшое вторжение, и мы тут же уйдем, милорд. – Сержант усмехнулся, солдаты тоже хрипло рассмеялись. Он кивнул им, и те впились в свою жертву стальной хваткой.

– Отпустите меня сейчас же, я приказываю! Что все это значит?

Сержант показал на кровать. Солдаты подтащили вельможу и бросили на кровать лицом вниз. Сержант снял шарф, которым был подпоясан, и завязал им рот своему пленнику, затянув узлы так сильно, что тот вскрикнул от боли. Затем осторожно задрал золоченый халат, обнажив костлявый зад вельможи. Фрэнсис задергался, пытаясь освободиться, и замычал громче. Солдаты действовали согласованно, словно все это им уже приходилось делать и раньше. Четверо из них всей своей тяжестью придавили к кровати руки и ноги жертвы, а двое других уселись ему на поясницу.

– Осторожно, не наставьте ему синяков, – распорядился сержант.

Он медленно подошел к очагу, наклонился и поднял кочергу, затем неторопливо приблизился к кровати и повертел кочергой перед глазами Фрэнсиса.

– Ты любишь развлекаться с задницами; посмотрим, как тебе понравится вот это, милорд.

Глаза вельможи расширились, выражение жестокости сменилось мольбой. В отчаянии он что-то неразборчиво пробормотал в повязку.

Сержант достал из-под мундира узкий полый бычий рог и проверил, проходит ли в него кочерга. Затем он положил руки на потные от страха ягодицы своего пленника и раздвинул их, открыв анальное отверстие. Поплевав на кончик рога, он снова примерился к отверстию и медленно, но решительно вставил рог внутрь, засовывая его все дальше и дальше.

– Мягко идет, милорд, – произнес он. – Не хотелось бы причинить вам боль.

Солдаты захохотали. Вельможа отчаянно сопротивлялся, его ягодицы бешено дергались, но сержант затолкал рог внутрь еще на несколько дюймов, пока снаружи не остался лишь кончик.

Фрэнсис завыл от страха. По его спине ручьями тек пот. Сержант Прудлав поднес кочергу к огню и засунул ее конец глубоко в раскаленные угли. Вельможа замычал, пытаясь что-то сказать, но сержант хранил молчание, наблюдая за кочергой и натягивая толстую рукавицу.

Через несколько минут он вытащил кочергу. Отрезок в двенадцать дюймов на ее конце был раскален добела. Сержант прошел через комнату и поднес кочергу к лицу пленника.

– Приготовились, милорд?

Глаза вельможи были готовы вылезти из орбит. Сквозь кляп прорвался еще один протяжный стон и еще. Он пытался заговорить, давился собственной слюной и кашлял, затем снова в отчаянии пытался что-то произнести. Он рвался и метался, скинув со спины одного из солдат и высвободив руку. Но солдат тут же схватил его руку, прижав ее к кровати, а другой снова взобрался ему на спину. Сержант опять опустил кочергу в угли и подержал ее там несколько секунд рукой в перчатке. Вельможа выл не переставая.

Сержант вытащил кочергу, подошел к нему, обхватил рог, который выскользнул наружу на несколько дюймов, осторожно вставил в него раскаленный конец кочерги, словно меч в ножны, и твердой рукой с мрачной усмешкой на лице начал проталкивать ее внутрь.

Послышалось резкое шипение и булькающий звук, когда раскаленный металл прожег мягкую плоть прямой кишки. Сразу сладковато запахло горелым мясом.

Все тело вельможи сотрясалось в агонии, из-под кляпа раздался крик, словно вырвавшийся на свободу демон; казалось, он шел от потолка, от стен, от пола комнаты; леденящий душу вопль, становившийся с каждой секундой все сильнее и сильнее, в то время как сержант безжалостно проталкивал кочергу, держа ее обеими руками, поворачивая все глубже и глубже, пока кочерга не вошла по самую ручку.

Жертва выгнулась дугой, сбросив всех шестерых солдат. Шея несчастного была скручена, как змея, голова едва не вывернулась назад, словно у него была сломана шея. Он посмотрел сержанту прямо в глаза, и на мгновение тому показалось, что пленник собирается встать с кровати. Затем рот вельможи исказился, будто начинал таять, и из горла вырвался тихий, едва различимый смертельный стон; он постепенно перерастал в рев, становясь все громче и громче, и наконец, достигнув крещендо, казалось, отделился от потерявшего человеческий облик существа на кровати и стал сгустком энергии.

Солдаты попятились, затыкая уши, не в силах выносить звук, грозящий взорваться у них в голове и разнести ее вдребезги. Даже сержант разжал руки и закрыл ими уши.

Еще долго после того, как кочерга уже остыла и тело вельможи неподвижно лежало в луже собственных выделений и рвоты, с вонзенными в ладони ногтями, они слышали этот крик, словно он навечно поселился в их головах.

1

26 марта 1988 года

Солнечным весенним утром по одной из улиц Лондона шагали отец и сын. Отец, высокий мужчина лет сорока, шел легким неторопливым шагом, расстегнув твидовое пальто фирмы «Харрис». Мысли его были где-то далеко, и, казалось, он совсем не замечал, что происходило вокруг.

Его волевое, открытое, красивое лицо имело добродушное или, скорее, рассеянное выражение. Длинные темные волосы, расчесанные на пробор, прикрывали уши и падали на верхнюю часть воротника пальто. Его манера держаться была явно аристократичной, и, несмотря на деловой костюм, мужчина больше походил на ученого, чем на бизнесмена.

Пятилетний сын унаследовал черты матери: рыжие короткие кудри, серьезное веснушчатое лицо, распахнутые зеленые глаза. На нем были серые фланелевые шорты, короткая вельветовая курточка, серые гольфы и черные начищенные ботинки. Ему очень хотелось, чтобы отец шагал быстрее; эта часть Лондона не представляла для малыша интереса, за исключением Донжона¹, Тауэра и поезда в Докленд², а это все они уже прошли. При мысли о магазине на Риджент-стрит мальчика переполняло волнение, которое он едва сдерживал. Он предвкушал удовольствие от поездки туда в метро, но сейчас, после целого часа томительного ожидания в скучном офисе, его отец, похоже, совсем не спешил. Мальчик забеспокоился:

- Папа, правда мы идем в Хэмлейс? Ты обещал.
- Хэмлейс? – Отец уставился на сына, словно не понимая.
- Ты обещал!
- Да, обещал. И мы обязательно сходим туда.

Мальчик посмотрел на отца. Он никогда не мог понять, шутит тот или говорит серьезно.

- Но ведь нам нужно совсем не сюда.
- Мы должны подождать маму.

На лице мальчика было написано огорчение.

- А где она?
- В парикмахерской. Она придет ко мне в офис в половине первого, через двадцать минут.

- А что мы будем делать сейчас?
- Надо забрать из ремонта мамин свадебный браслет.

Мальчик совсем упал духом:

- Ты же сказал, что мы идем в Хэмлейс.
- Мы пообедаем с мамой, а потом пойдем в Хэмлейс.
- Я хочу сейчас! Ты обещал! – Мальчик начал всхлипывать.

Они стояли посреди тротуара, и их все время толкали. Рядом, в переулке по правой стороне, располагалось кафе. Отец протащил капризничавшего ребенка мимо бюро по трудоустройству, туристического агентства, обувной мастерской и еще нескольких магазинчиков и остановился перед грязноватой, непривлекательной закусочной. На вывеске двенадцатидюймовыми буквами было написано: «СЭНДВ...И. КАФЕ ЛУИДЖИ» – две буквы отсутствовали. К окну изнутри четырьмя присосками была прилеплена карточка меню с надписью внизу: «Здесь или навынос».

- Смотри, у них есть молочные коктейли, – сказал отец. – Давай возьмем.

¹ Донжон – главная башня средневекового замка; здесь имеется в виду Белая башня Тауэра. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Докленд – район лондонских доков.

В кафе у прилавка стояла небольшая очередь, и все столики, кроме одного, были заняты. Войдя внутрь, они почувствовали сильный запах кофе и чего-то жареного; полумертвая муха жужжала и трещала в сетке ловушки. На задней стене висели два выцветших от времени плаката с видами Неаполя и Амальфи.

Отец подтолкнул свое чадло к пустому столику и усадил. Мальчик положил на стол кулачки:

– Ты обещал! Ты обещал... ты...

Мальчик внезапно замолчал и уставился в угол. Смесь страха и узнавания отразилась на его лице. Отец обернулся, недоумевая, куда это он так смотрит. За стойкой худой небритый мужчина лет пятидесяти радостно приветствовал посетителя:

– Привет, как делишки? Что бы вы хотели сегодня?

Рядом с ним низенькая полная женщина с тусклыми черными волосами и изможденным лицом намазывала маслом хлеб. Раздался резкий сигнал, и девушка в белом переднике вытаскивала блюдо из микроволновой печи.

– Хочешь шоколадный коктейль? – предложил отец, вытирая носовым платком слезы сыну.

Подойдя к прилавку, он заказал молочный коктейль с шоколадом и кофе эспрессо.

Мальчик увлекся коктейлем, забыв все обиды. Скоро уже он выскребал ложкой остатки со дна стакана, а затем старательно высосал пену через трубочку.

Когда они покинули кафе и шли обратно вдоль переулка к улице, он спросил:

– Мы сейчас встретимся с мамой?

– Да, и пообедаем. Потом пойдем в Хэмлейс, а затем в планетарий. Ты ведь хочешь посмотреть на звезды?

Мальчик с сомнением кивнул. Где-то вдалеке послышался громкий резкий звук сирены.

– Папа, почему мама всегда, когда мы приезжаем в Лондон, ходит в парикмахерскую?

– Потому что ей хочется хорошо выглядеть, – последовал ответ.

Некоторое время они шли молча. Витрины магазинов, мимо которых они проходили, ничем не привлекали мальчика. Канцелярские товары. Мужская одежда. Масонские принадлежности. Банк. Серебряных дел мастер.

Завывание сирены приближалось, и мальчик уже слышал рев мотора. Они остановились на перекрестке у светофора в ожидании смены сигнала. Мимо проехал велосипедист. На голове у него был защитный шлем с прикрывающим лицо респиратором, который, по мнению мальчика, придавал ему несколько пугающий вид. Затем он увидел на противоположной стороне улицы коротко стриженную рыжеволосую женщину. Сначала он подумал, что это его мать, и стал взволнованно дергать отца за руку, желая скорее перейти улицу. Затем он сообразил, что это чужая женщина. У матери были длинные волосы.

Звук сирены все приближался. Мальчик взглянул на отца снизу вверх и дернул его за рукав:

– Папа, как ты думаешь, а мне нужно подстричься в Лондоне?

Отец ласково взъерошил кудри сына:

– Как насчет того, чтобы пойти со мной к Трамперу в следующий раз?

Мальчик кивнул, подождал, пока отец отвернется, и быстро пригладил волосы. Затем он посмотрел на рыжеволосую женщину, которая собиралась переходить дорогу. Сейчас она опять была похожа на его мать. Это и в самом деле была его мать. Конечно она. Сердце его забилося, потом внезапный порыв ветра растрепал ее волосы, и снова это была не она, а кто-то совсем чужой.

Загорелся зеленый свет, и мальчик бросился вперед, однако что-то рывком остановило его, потянуло назад, удерживая за воротник. Послышался рев мотора и оглушающий вой сирены. Метнулась тень. Рыжеволосая женщина была уже на середине дороги. Его мать? Или

нет? Приоткрыв рот, она пристально смотрела на него. В следующую минуту она рванулась назад на тротуар.

Взвизгнули шины. Тень скрыла от него на мгновение все происходящее. Автофургон, в котором сидели двое молодых мужчин, отчаянно затормозил, и его развернуло поперек дороги – он налетел прямо на женщину.

– Мамочка! – вскрикнул мальчик.

Женщина, неестественно вывернувшись, распласталась на капоте автомобиля. Его вынесло на тротуар. Мужчина в деловом костюме едва успел отскочить в сторону. Столб светодиода треснул, и цветные осколки посыпались на асфальт. С грохотом, подобным взрыву бомбы, фургон с женщиной врезался в витрину книжного магазина.

Женщина мелькнула и исчезла. На мгновение все вокруг, казалось, оцепенело. В тишине слышался только звон бьющегося стекла. Мальчик увидел, как вываливается кусок окна, а затем услышал пронзительные крики. Хлопнули дверцы автомобиля, сирена смолкла. Из машины выскочили полицейские. Дверцы фургона тоже открылись: одна легко, а другая с трудом, человек изнутри выбил ее плечом. Мотор фургона все еще работал.

– Мамочка!

Мальчик вырвался из рук отца и в ужасе бросился через дорогу. Он расталкивал толпу, пробираясь к фургону. В это время обрушился еще один осколок витрины, и он увидел кровь. Разбросанные книги. Лежавший на полу окровавленный плакат. В магазине пронзительно кричала продавщица, в ужасе прикрывая рот рукой. Ребенок проследил за ее взглядом. Его рот беззвучно открылся, когда он увидел лежащее на полу тело женщины. Из шеи, пульсируя, хлестала кровь. Красные пузыри лопались на серых плитках пола. Рядом, заливая кровью рассыпавшиеся стопки книг, лежала какая-то резиновая маска с волосами.

Вдруг он осознал, что это вовсе не маска. Это была голова его матери.

2

Август 1991 года

Лето наконец пришло в Лондон после двух недель непрерывных дождей, и через неделю трава в парках уже высохла. Семидневная жара, казалось, вытянула последние капельки влаги из всего – из земли, тротуаров, цемента на стройке, – и мельчайшая пыль постоянно висела в воздухе неуловимой дымкой. Фрэнни Монсанто днем вдыхала ее, а вечером смывала с волос. И сейчас она чувствовала, как пыль прилипает, подобно цветочной пыльце, к ее влажной от пота коже.

Обычно в жару организм Фрэнни как бы вспоминал о своем средиземноморском происхождении, заставляя ее ощущать всю полноту жизни. Но сегодня на работе она была даже рада приятной прохладе тяжелых сводов музея и теперь радовалась, что смогла вырваться из замкнутого городского пространства. Она села в поезд, идущий в Йоркшир.

В час пик в вагон метро набилось много народу, и Фрэнни чувствовала себя ужасно нелепой с контрабасом в руках и чемоданчиком, зажатым между ног. Через открытые окна грохочущего вагона ее лицо обдувало потоком горячего воздуха. Он нес с собой запах сажи и еще чего-то неприятного, вызывавшего ассоциацию с немывтыми ногами.

Фрэнни было двадцать пять лет; у нее были правильные привлекательные черты лица и стройная фигура. Для поддержания формы два раза в неделю девушка занималась аэробикой и плавала в воскресенье утром в местном бассейне. Как и многие представители южных народов, ее родственники проявляли склонность к полноте в зрелом возрасте, и Фрэнни твердо решила для себя, что с ней этого случиться не должно. Так же твердо она определила и многое другое в своей жизни.

Своенравие и горячий вспыльчивый характер Фрэнни иногда вырывались наружу, несмотря на то что она старалась быть сдержанной. Но главным в ее жизни была работа, которой целеустремленная Фрэнни была непоколебимо предана. Она не находила в себе таланта ученого и старалась компенсировать этот недостаток упорным трудом. Только благодаря этому она была первой на вступительных экзаменах в университет, благодаря этому получила степень по археологии и антропологии, причем с даже более высокими оценками, чем рассчитывала. Фрэнни едва могла поверить своему счастью, когда через несколько недель после окончания университета ей предложили место научного сотрудника в Британском музее, где она с тех пор и работает.

У нее были пышные каштановые волосы, подстриженные с боков и спадавшие на плечи, прямой нос, глаза оливкового цвета и чувственный выразительный рот, который довольно часто трогала улыбка, несмотря на то что Фрэнни была девушка серьезная. Будучи ростом пять футов четыре дюйма, она хотела бы быть чуточку повыше, но в общем и целом не могла пожаловаться на свою внешность.

На ней были кроссовки «Найк», синие джинсы, оранжевая футболка и черная хлопчатобумажная куртка. На плече висела большая кожаная сумка, купленная четыре года назад в Неаполе, куда Фрэнни ездила навестить родственников, и уже слегка истрепавшаяся от ежедневной носки. Фрэнни не особенно интересовалась одеждой и терпеть не могла ее покупать. Во всяком случае, археологам платили не так уж много, и она с трудом откладывала деньги на собственную квартирку, чтобы перебраться из того отвратительного места, где она сейчас снимала комнаты. Джинсы прекрасно подходили для ее работы, и она из них не вылезала, за исключением торжественных случаев.

А таких случаев у нее было мало – с тех пор, как больше шести месяцев назад она прекратила встречаться со своим парнем и, к своему удивлению, обрадовалась появившейся свободе. Она много читала, смотрела хорошие фильмы, ходила на выставки.

Но она знала, что это ненадолго. Интерес к мужчинам был неотъемлемой чертой ее натуры, и секс доставлял ей огромное наслаждение.

«Вы ни о чем не мечтаете?» – вопрошало рекламное объявление на стенке вагона перед ее глазами.

Напротив нее стоял долговязый парень с торчащими передними зубами. Он пялился на ее лицо, на контрабас, затем вновь на нее. Фрэнни поймала его взгляд, посмотрела на него в упор, и он поспешно отвел глаза. Поезд качнуло, и она чуть не потеряла равновесие, толкнув здорового мужчину в майке, с татуировкой на руках. При этом контрабас угрожающе накренился. Она уже жалела, что так легко согласилась тащить его.

Контрабас принадлежал Меридит Миннс, ее подруге по археологическому факультету Лондонского университета, с которой они в последний год учебы делили комнату. Меридит целый год выбирала между музыкой и археологией, а потом влюбилась в фермера и уехала с ним в Северный Йоркшир. Она родила двоих детей, одному из которых Фрэнни была крестной матерью, и, казалось, вполне довольна своей участью.

Пригласив Фрэнни приехать погостить у них, Меридит спросила, не затруднит ли ее забрать инструмент из ремонтной мастерской на Ковент-Гарден. Она даже сказала, что оплатит такси, но Фрэнни не любила разбрасываться деньгами, как своими, так и чужими. Поэтому, получив инструмент в мастерской, она решила, что он хотя и громоздкий, но не тяжелый и с ним можно прекрасно доехать и на метро. Сейчас она начала сознавать, что это было несколько опрометчиво.

Поезд замедлил ход, и Фрэнни сильнее вцепилась в поручень, качнувшись в сторону парня с торчащими зубами. Яркие огни промелькнули за окнами, и поезд въехал на станцию. Она увидела надпись «Кингс-Кросс», и поезд остановился. Фрэнни вынесла чемоданчик и контрабас и потащила их к эскалатору.

В помещении вокзала тянулись длинные очереди к билетным кассам и выходам на платформы. Пассажиры торопились, некоторые тщетно пытались протиснуться сквозь толпу.

Люди перелезали через чужие чемоданы. Какая-то беззубая старуха остановилась со своей тележкой для багажа и нетерпеливо причмокивала губами, ожидая, когда Фрэнни отойдет. Но Фрэнни не замечала ее, пытаясь разобраться в табло отправлений поездов. «Йорк, – прочитала она. – 17:34. Платформа 3». Девушка огляделась в поисках тележки и, не увидев ни одной, подтащила свой багаж к очереди в кассу. Прозвучал сигнал, предупреждавший, что сейчас будет сделано объявление. Капли пота катились по шее Фрэнни. Она купила билет и встала в другую очередь – к выходу на платформу. Поезд только что прибыл, и голос из громкоговорителя произнес: «Прибыл поезд 14:52 из Йорка. Британская железная дорога приносит свои извинения за опоздание».

Двери вагонов открылись еще до того, как поезд окончательно остановился, и пустая платформа в считанные секунды превратилась в бурлящий людской поток. Фрэнни услышала крик и увидела маленького мальчика, который пробежал мимо билетного контролера и затерялся в толпе. За ним с озабоченным видом спешил мужчина. Фрэнни зажала билет в зубах, взяла чемодан и продвинулась немного вперед, толкая перед собой контрабас. Повторив эту процедуру несколько раз, она добралась наконец до выхода и вручила контролеру билет.

Разговаривая со своим коллегой, он не глядя прокомпостировал и вернул ей билет. Девушка стала пробираться вперед, и контрабас с каждым мгновением становился все тяжелее. Пройдя немного по платформе, Фрэнни позволила себе сделать передышку. Где-то впереди она услышала крик ребенка:

– Нет! Я не хочу! Я не хочу!

Его голос прорвался сквозь шум вокзала. Несколько человек оглянулись.

– Я ненавижу тебя!

Толпа начала редеть, и Фрэнни увидела мальчика лет восьми – того самого, который несколько минут назад пробежал мимо контролера. Он пытался вырваться из рук человека, тащившего его по платформе к выходу.

– Отпусти меня! Отпусти!

Когда они поравнялись с Фрэнни, мальчик вдруг замолчал и пристально посмотрел на нее. Фрэнни вдруг показалось знакомым его лицо, как будто она видела его когда-то раньше. Мужчина тоже напоминал ей кого-то. Ему лет тридцать пять, решила она. Высокий, красивое, открытое лицо и темные, расчесанные на пробор волосы. Он напомнил ей киноактера Харрисона Форда, и она задумалась, где же могла его раньше видеть. Возможно, это действительно какой-нибудь актер или политический деятель.

Мужчина остановился, заметив интерес мальчика к Фрэнни, и улыбнулся ей, как бы извиняясь за беспокойство. Ребенок с любопытством рассматривал контрабас.

– Разрешите, я помогу вам, – негромко, но настойчиво произнес мужчина с легкой иронией.

В его тоне слышались и юмор, и спокойная уверенность в себе, характерная для представителей высших классов. Он был одет в немного старомодный, но хорошо сшитый полотняный костюм, рубашку из джинсовой ткани с двухцветным розово-зеленым галстуком. Фрэнни поддалась его обаянию.

– О, благодарю вас, я...

– Ну что вы. В какой вам вагон? У вас указано место?

– Нет, можно в любой.

– Куда вы едете?

– В Йорк.

– Ну, мм, тогда мы посадим вас вперед. Вам будет удобнее выходить.

Он подхватил контрабас и чемоданчик.

– Ну все же... Это как-то... – проговорила Фрэнни, чувствуя себя неловко.

– А что здесь? – спросил мальчик, показывая на футляр. У мальчугана было открытое веснушчатое лицо и вьющиеся рыжие волосы. Глаза смотрели очень серьезно.

– Контрабас, – ответила Фрэнни. Она шла за мужчиной, а мальчик шагал рядом с ней.

– А почему он в ящике?

– Чтобы было легче нести. – Девушка улыбнулась, чувствуя необъяснимую симпатию к нему.

– Мы только что были в музее авиации и в зоопарке, – сообщил мальчик.

– Правда? – вежливо сказала Фрэнни.

– В Уипснейдском зоопарке, который в Бедфордшире. Я катался на слоне и на верблюде. Верблюды сначала лег, чтобы я мог на него сесть. Они всегда так делают.

– А я и не знала, что они такие любезные. И кто же тебе больше понравился?

Мальчик на мгновение задумался.

– Наверное, верблюд, потому что, если он живет у тебя дома, его не обязательно поить каждый день. Но он может и убить тебя.

– В самом деле? – Фрэнни удивила его рассудительность.

– Это точно, – сказал он с серьезным видом.

– Может быть, здесь? – обратился к ней мужчина.

– Очень хорошо, просто положите вещи, и все. Очень мило с вашей стороны.

Мужчина занес футляр в поезд и запихнул в багажное отделение в конце купе. Фрэнни взяла сумку, но он, отняв ее у девушки, направился в купе и положил сумку рядом с контрабасом.

– Прекрасный город Йорк, – произнес он.

– Эборакум³, – ответила Фрэнни, сама не зная, почему сказала это.

Он посмотрел на нее, словно изучая музейный экспонат под стеклом. Она взглянула в его глаза васильковой голубизны, красоту которых подчеркивали тонкие, четко очерченные брови.

– Ага, – произнес он с легкой усмешкой. – Студентка, изучающая латынь.

Фрэнни улыбнулась в ответ:

– Нет, я не студентка.

– А я учусь играть на пианино, – заявил вдруг мальчик.

– Да ну?

– Да. Правда, мой учитель не слишком хорош... Я хотел бы научиться играть на гитаре, когда вырасту.

Фрэнни посмотрела на отца малыша. Ей показалось, что она его интересуется. Он колебался, как будто хотел что-то сказать, но вдруг покраснел и перевел взгляд на сына.

– Ну... – Мужчина похлопал себя по карманам.

Его пиджак был весь измят, а на ногах у него были изрядно поношенные грубые коричневые башмаки, хотя и старательно начищенные. Мальчик выглядел значительно лучше отца, в белой с открытым воротником рубашке на пуговицах, серых шортах с отворотами и башмаках на резиновой подошве.

– Все-таки лучше, если... мм... есть кому помочь в поезде. – Он с улыбкой посмотрел на Фрэнни, снова порываясь сказать что-то еще.

– Спасибо, – произнесла Фрэнни. – Большое спасибо.

Ей хотелось еще поговорить с ним, но вдруг она обнаружила, что стоит и смотрит, как мужчина с мальчиком шагают по платформе по направлению к выходу.

Она вошла в купе, которое постепенно заполняли люди, и поторопилась занять место у окна. Перед ее взором стояло лицо этого человека. Фрэнни почувствовала волнение. Она вспомнила интерес в его глазах, чувство взаимного притяжения. Внезапно Фрэнни захотелось выскочить и побежать за ним, чтобы не прерывать мимолетный духовный контакт, установившийся между ними.

Впрочем, может быть, ей только показалось. И в конце концов, она не желала делать из себя посмешище. Фрэнни вдруг почувствовала себя необычайно хорошо и улыбнулась. Приятно осознавать, что ты кому-то нравишься, особенно после такого долгого перерыва. Она откинулась на спинку сиденья, открыла сумку и вытащила два журнала: «Античность» и «Антикварный журнал». Отложив их в сторону, она достала роман Роберта Годдарда «Не прощайтесь». Название показалось ей очень символичным.

Поезд дернулся, затем еще раз и тихо двинулся вперед. Фрэнни взяла один из журналов и раскрыла на последней странице, откуда обычно начинала. Но прошел еще час, прежде чем она смогла успокоиться и углубиться в чтение.

³ Эборакум – римская крепость I века, на месте которой вырос город Йорк.

3

Уличное движение застопорилось. Двигатели рычали и грохотали, автомобили гудели. Воздух над капотами машин колыхался от жары, и блестящие позолоченные столбики дорожного ограждения мерцали, как отражение в беспокойной воде пруда. Над ними возвышался Британский музей, занимавший здесь, в Блумсбери, целый квартал, – величественное здание, окруженное четырьмя дорогами, как некий остров, для которого не существует течения времени.

В галереях и комнатах, за изящными порталами были разложены осколки прошлого, аккуратно снабженные этикетками, – тщетные попытки каталогизировать тысячелетия хаоса. Здесь были «Древний Иран», «Коптская живопись», «Италия до Римской империи». Посетители разглядывали сквозь стекло тело человека, сохранившееся в торфяном болоте, драгоценные короны умерших императоров, глиняные таблички, резные фигурки богов, вазы эпохи Мин, обломки мисок для супа эпохи неолита, страницы развернутых манускриптов, которые словно ожидали, что их давно умершие авторы внесут последние исправления.

Мало кого музей оставлял равнодушным. У большинства он невольно вызывал мысль о ничтожности человека и о его возможностях, пробуждая чувство священного трепета перед этим грандиозным собранием, превосходящим все, на что способен даже гений.

За тихой вереницей галерей лежал лабиринт коридоров и подвалов, в которых работал многотысячный штат и где во время войны прятали бесценные экспонаты. Один из немногих, кабинет Фрэнни не имел окон, был тесен, но ей было все равно. Она любила этот музей и до сих пор, проходя утром под великолепными фронтонами, не могла поверить, что работает здесь уже три года. И время от времени, когда монотонность ежедневной работы повергала ее в уныние, Фрэнни говорила себе, что это только начало карьеры и впереди ее ждет что-нибудь более захватывающее.

Она уже двенадцать месяцев проводила проверку и перепись бесчисленных сокровищ, хранившихся в подвалах, скрытых от публики из-за нехватки места. Это было нудное занятие, но она все время училась, расширяя познания как в своей области – Древнего Востока, – так и в других. После Рождества она впервые собиралась в Гималаи, в шестинедельную командировку на раскопки. Фрэнни с нетерпением ждала этого, и ее деятельный босс, начальник отдела Деклан О'Хейр, намекнул на ее участие в новом и еще более интересном проекте музея.

По правде говоря, то радостное ожидание, которое Фрэнни испытывала по окончании университета, несколько померкло после столкновения со скучной реальностью. Так, она узнала, что один человек может раскопать лопатой от силы несколько квадратных футов в день. Может быть, десяток квадратных ярдов за две недели. Исследователь может копать всю жизнь на одном месте и все же найти лишь малую долю того, что скрыто в земле, лишь осколки прошлого. Похороненным в земле оставалось гораздо больше, чем было найдено. Земля неохотно расставалась со своими секретами. Временами казалось, что работающие на раскопках – лишь игрушки в руках какой-то сверхъестественной силы, которая позволяет им строить теории, а потом разрушает их. Как будто правила игры не позволяют, чтобы разрозненные части соединились в целое.

Прелесть археологии для Фрэнни заключалась в том, чтобы держать в руках свои находки, смотреть на них, мысленно воскрешая прошлое. Она всегда старалась представить себе прошедшие события, с тех пор как прочитала первую книгу по римской истории в школе. Страницы книги оживили для нее мир Цезаря, и с тех пор она проглотила сотни исторических книг. Прошлое восстанавливалось по кусочкам – ручка от ложки, брошка, бусы, ободок горшка, кусочки мозаики, – найденным ею на раскопках.

В хорошую погоду в обеденный перерыв Фрэнни съедала свой сэндвич на скамейке в ближайшем парке. Иногда к ней присоединялся кто-нибудь из ее друзей, работавших в Вест-Энде и приезжавших сюда на автобусе, или же она обедала в компании музейной молодежи. Но сегодняшний день был исключением. Трясаясь от страха, она пересекла массивный главный зал и, обогнув поток посетителей, вышла через ворота в черно-золотой ограде на дымную, людную Грейт-Рассел-стрит.

Фрэнни всю жизнь боялась зубных врачей. Ее желудок сжался, когда она, пройдя по Чаринг-Кросс-роуд и свернув в узкий переулок, остановилась перед маленькой пластмассовой табличкой «Зубной врач», которую следовало бы почистить. Поднявшись по лестнице, она назвала свое имя блондинке в регистратуре.

– Франческа Монсанто. Я записана к мистеру Гебби, – сказала она.

Девушка заглянула в список.

– Проходите, первая дверь направо.

Фрэнни вошла в крошечную приемную с полудюжиной пластмассовых стульев. Неряшливо одетая женщина с надеждой взглянула на Фрэнни, будто желая, чтобы та пролезла без очереди. Из сумки неряхи высыпалась на пол куча свертков с продуктами.

Фрэнни села, открыла сумочку и, чтобы отвлечься, вытащила свою записную книжку. Не обращая внимания на брошюры «Национальное здоровье», разбросанные на маленьком журнальном столике, она раскрыла книжку, потянув за ленточку закладку, и посмотрела записи на уик-энд и следующую неделю. В субботу вечеринка у Клайва Брасуэла. Она подумала, что его крошечная квартирка на Портобелло-роуд, должно быть, развалится, так как туда обычно набивалось огромное количество народу, но там всегда был шанс встретить приличного одинокого мужчину.

Клайв, как и она, был научным сотрудником музея. Фрэнни подумала, что жизнь музея не особенно отличается от жизни колледжа. Те же развлечения, те же замкнутые группки, та же атмосфера прилежности и старания. Но это было более серьезно. Они внутренне чувствовали свое предназначение и имели ясную цель. У Фрэнни был здесь свой круг друзей, но она старалась не замыкаться в нем и использовала любую возможность на некоторое время сменить обстановку, например поехать в Йорк. Меридит Миннс была далека от этого мира.

Течение ее мыслей внезапно прервал холодный голос:

– Миссис Лоу?

Хозяйственная сумка зашуршала, и ее владелица направилась к двери, тяжело ступая. Фрэнни положила записную книжку в сумку и, взглянув на журнальный столик, заметила среди брошюр несколько журналов. Она увидела номер «Новой женщины» под «Частным детективом» и потянула к себе. При этом «Частный детектив» соскользнул со стола и упал, раскрывшись. Фрэнни нагнулась и подняла журнал. Он был открыт на странице частных объявлений. «Знакомства» – было название одной из колонок. Она из чистого любопытства заглянула туда.

«Лысеющий, около пятидесяти. Не толстый, если втянуть живот. Собственный дом в Лондоне и несоизмеримый доход. Заядлый курильщик, гороскопами не интересуюсь. Ваши предложения?»

«Энергичный, регулярно моющийся, умный двадцативосьмилетний молодой человек будет подходящей парой молодой красивой деловой женщине, живущей в Лондоне. Храню верность одной...»

«Женщина ищет эксцентричного человека, чтобы восхищаться им. Мидлендс. Почтовый ящик...»

Фрэнни было очень интересно, кто же дает такие объявления. Неужели это такие же люди, как она? Или же они совсем потеряли надежду. А может, дело в принципах? Она пробежала глазами страницу и остановилась на колонке «Требуется».

«Отчаявшийся студент срочно ищет средства для продолжения обучения. Честно. Заранее спасибо. Почтовый ящик...»

Вдруг заголовок одной колонки привлек ее внимание: «Девушка с контрабасом! Вы пробивались через толпу на платформе вокзала Кингс-Кросс с контрабасом в руках, торопясь на поезд в Эборакум, в пятницу 10 августа? Я тот человек, который помог вам. Я хотел бы снова встретиться с вами».

Фрэнни посмотрела на объявление, не веря своим глазам. Наверное, ей почудилось! Эборакум. Римское название Йорка. Она сказала это мужчине, и он понял ее.

Фрэнни вновь прочитала объявление и почувствовала странное смущение. В глубине души она все еще сомневалась. Могли, конечно, быть и другие девушки, пробирающиеся по платформе, с другими контрабасами. Но они не направлялись в Эборакум.

«Господи!» – возбужденно воскликнула она мысленно и тут же почувствовала себя ужасно глупо. Мелькнула мысль об осторожности, и на мгновение Фрэнни решила, что это чья-то тщательно продуманная шутка. Девушка, закусив губу, посмотрела в потолок, потом огляделась.

Она прочитала объявление еще раз. Это про нее! Про нее. Она улыбнулась, словно в ответ на шутку того человека, который просил ее откликнуться. Из всех десятков тысяч людей, читавших это объявление, оно было предназначено ей, и только ей. И она увидела его.

Фрэнни попробовала вспомнить лицо мужчины, но оно было как в тумане. Внимательный взгляд его голубых глаз, сходство с Харрисоном Фордом. Тепло во взгляде, в голосе. Мальчик, который так странно смотрел на нее. Рыжие кудри, веснушки, серьезное, заплаканное лицо...

Ее вновь охватило волнение. Какое-то сумасшествие! Она вспомнила то внезапное необъяснимое притяжение, снова ощутила его. Бывает же так, встречаешь абсолютно постороннего человека, и через несколько мгновений уже кажется, что это давний друг.

Покопавшись в сумочке, Фрэнни вытащила ручку и записную книжку и переписала номер почтового ящика из объявления и адрес журнала.

Как только она захлопнула записную книжку, ее вновь стали одолевать сомнения. Как будто что-то было не так, но она не могла сказать что. Фрэнни была в замешательстве. Она прогнала прочь неприятные мысли, еще раз прочитала объявление и снова улыбнулась. Через десять минут, когда ее пригласили в кабинет стоматолога, она все еще задумчиво улыбалась.

Когда Фрэнни с двумя новыми пломбами вернулась в музей, Пенроуз Споуд сидел за своим столом, величественно-спокойный, как статуя Будды, аура снисходительного превосходства окружала его. Он был ее коллегой, и они работали в одном кабинете.

Как и большинство служебных помещений в этом здании, их кабинет был больше в высоту, чем в ширину. Вдоль стен до потолка высились шкафы с книгами и каталогами. Дисплеи компьютеров и кнопочные телефоны выглядели на старинных деревянных столах нелепо, как сценические декорации.

Их столы стояли друг против друга: Споуда – такой же безукоризненный, как и он сам, с тщательно выровненными стопками бумаг, и ее – напоминавший о ядерной катастрофе. Споуд сидел чрезвычайно прямо, выпятив грудь. Узел галстука цвета лишайника был вровень с адамовым яблоком. Черные волосы так приглажены и прилизаны, что напоминали шкуру тюленя; маленькие близорукие глаза прятались за линзами очков; небольшой рот с плотно сжатыми губами образовывал идеальный кружок, напоминающий резиновую пробку.

Споуду было двадцать восемь лет; он отличался сухим язвительным юмором, страстью к порядку, пунктуальностью и логикой, без которых, по его мнению, нельзя было выстроить гармоничную жизнь. Он все делал в своем обычном неторопливом темпе, как бы считая, что не стоит понапрасну тратить энергию, и относился к работе с некоторой инертностью, так же как к жизни в целом. Археология была для него всем, и других интересов у него не было.

На работу он ездил на старомодном велосипеде. Велосипедные зажимы висели на крючке за дверь, вместе с защитным шлемом, респиратором и светоотражающим поясом.

Появление Фрэнни, опоздавшей к концу обеденного перерыва, сбilo ход мысли Споуда. Усаживаясь за свой стол, Фрэнни успела заметить, как он три раза набрал и стер одну и ту же строку на экране компьютера.

Он взглянул на нее с явным раздражением.

– Я уже думал, ты сегодня больше не появишься, – сказал он. – Ты что, была в подвале?

– У зубного врача, – пробормотала она, наркоз еще действовал.

Споуд вздохнул, глядя, как Фрэнни с шумом открывает и закрывает ящики своего стола в поисках чистой бумаги.

– Да, тут тебе звонили, – произнес он. – Мистер Джапп из Библиотеки Бодли. Он сказал, что нашел нужную тебе ссылку.

– Спасибо, – ответила она, думая о другом.

– Он сказал, что ты очень обрадуешься. – В голосе Споуда слышались нотки горечи, так как Фрэнни продолжала копаться в ящиках, наводя порядок, а затем, расчистив место на столе и достав лист бумаги, начала писать. – Он просил позвонить не позже трех, – произнес Споуд, выразительно посмотрев на часы.

Фрэнни не замечала этого. Она изо всех сил старалась писать разборчиво и гадала, стоит ли на всякий случай указать домашний адрес и телефон, но вдруг поняла, как неудобно будет себя чувствовать, если он вдруг позвонит в офис. Пенроуз Споуд всегда одним ухом слушал, о чем она говорила по телефону. Фрэнни решила написать свой домашний телефон, не указывая адрес. Конечно, она понимала, что ее имя не очень распространено и он вполне может выяснить адрес, зная телефон и фамилию, но это была хоть какая-то мера предосторожности, на случай если этот человек окажется психом.

Фрэнни пять раз переписывала текст, прежде чем сочла его приемлемым: «Я та девушка, которая несла контрабас по платформе вокзала Кингс-Кросс в пятницу 10 августа. Вы ли тот любезный мужчина с маленьким мальчиком, которые шли из зоопарка? Я буду очень рада вновь встретиться с вами. *Франческа Монсанто*».

По дороге домой Фрэнни заглянула на почту и, купив марку, аккуратно наклеила ее на конверт. Потом она долго стояла у почтового ящика с письмом в руках, чувствуя, что если она опустит письмо, то обратного пути уже не будет.

К метро Фрэнни шла быстрой, уверенной походкой, на душе у нее было легко.

4

Предчувствие чего-то нехорошего нахлынуло на Фрэнни через несколько часов после того, как она опустила письмо. Она не могла сказать, что именно ее пугает, но чувствовала, что поспешила и ей следует быть осторожной. Фрэнни не давала покоя мысль о том, насколько ничтожным был шанс, что она заметит объявление.

Она задумалась, где еще он мог поместить его и сам ли он решил сделать это или просто поспорил с друзьями. А может быть, промелькнула мрачная мысль в ее голове, он делает это регулярно ради знакомства с женщинами.

Она отправила письмо в пятницу, и оно должно прийти в редакцию «Частного детектива» в понедельник. В зависимости от того, насколько быстро они переправят его, оно достигнет адресата самое раннее в четверг. Но, несмотря на это, каждый телефонный звонок в течение уик-энда заставлял сжиматься ее сердце, и она брала трубку с трепетным волнением.

На вечеринке в субботу она посвятила во все Кэрол Болтон, свою ближайшую подругу в музее. Кэрол, будучи по натуре паникершей, удивила и несколько напугала ее. Она посоветовала Фрэнни, если он все-таки позвонит, встречаться в общественном месте и даже предложила пойти с ней и понаблюдать издалека на всякий случай. Фрэнни пообещала назначить встречу только в многолюдном месте, но сказала, что будет чувствовать себя неловко под взглядом Кэрол.

В понедельник она обедала в кафе неподалеку от музея вместе с Дебби Джонсон – давней школьной подругой, которую знала с тринадцати лет. Дебби всегда была ужасно суматошной и проказливой. Маленького роста, с большими оленьими глазами и светлыми волосами, пряди которых необузданно торчали во все стороны из-под небрежно повязанной косынки, она, казалось, делала все возможное, чтобы хоть частично скрыть привлекательность.

– Гм, – в задумчивости произнесла Дебби. – Все это выглядит очень миленько. Со мной такого еще ни разу не случалось.

Дебби работала в службе по связям с общественностью сети магазинов модной одежды. Она за все бралась с энтузиазмом, и эта ее черта нравилась Фрэнни. Дебби сообщила ей, что, по ее мнению, это все ужасно романтично, но, как и Кэрол Болтон, посоветовала назначить встречу в людном месте. Если он вдруг какой-нибудь маньяк, сказала она, ему вряд ли удастся убить ее в переполненном баре.

Они обсудили тот факт, что он был на платформе один с сыном. Значило ли это, что он разведен, или вдовец, или же счастливо женат и просто ищет любовных приключений? Дебби сразу же отбросила версию о благополучной семье; по ее мнению, в таком случае он вряд ли бы стал рисковать, давая объявление. В этом Фрэнни с ней была согласна.

Во вторник никто не позвонил. Фрэнни не пошла на аэробiku в среду, чтобы быть дома, если он позвонит. Но телефон молчал.

Он позвонил на следующий день вечером, в половине девятого. Она была в ванне, когда раздался звонок, и на мгновение забыла про объявление, вспоминая спор с родителями... В воскресенье она, как обычно, обедала у них в Бетнал-Грин. Ее мать начала свои нескончаемые упреки: Фрэнни ведь скоро уже двадцать шесть, а она все еще не замужем и даже не собирается выходить за кого-нибудь и рожать детей.

На отца снова нашло отчаяние. В таком состоянии он всегда качал головой и пытался звать к ее благоразумию, спрашивая, что она нашла в этой археологии. Он не мог понять, как его дочь, попав в университет, не стала после этого работать в промышленности или юриспруденции, предпочитая существовать на скудную зарплату и проводить время, разглядывая то, что он называл старыми камнями и костями. Фрэнни приходилось выслушивать все эти доводы, повторявшиеся с утомительным постоянством два-три раза в год, с тех самых пор,

как она в первый раз объявила о своем желании изучать археологию. Пока она училась в университете, ее отец не был так настойчив, надеясь в глубине души, что Фрэнни видит в этом какую-то непонятную ему выгоду. Но теперь, особенно в плохом настроении, он во всех своих неудачах винил только дочь. По его мнению, она предала все, ради чего он работал всю жизнь. У нее не было желания разбогатеть. Отец не мог понять ее. Они с матерью пожертвовали всем, чтобы попасть в Англию и иметь возможность зарабатывать деньги.

В ответ на это Фрэнни рассерженно заявила, что не понимает, как можно в течение тридцати лет держать кафе в центре Лондона и не заработать ничего. Обед закончился криками, причем младшая сестра Мария Анджела приняла сторону Фрэнни, а брат Паоло – сторону родителей. Шум в конце концов улегся, но натянутость осталась, и Фрэнни, возвращаясь вечером в Клэпем, сердилась на себя из-за того, что была несдержанна с родителями, и чувствовала себя очень одинокой.

Ее родители работали изо всех сил, они старались, дали ей какой-то шанс в жизни. Может, они правы, и она поступает по отношению к ним нехорошо. «Насколько все проще у животных», – подумала Фрэнни. Они покидают семью, как только становятся самостоятельными и способны прокормить себя. Фрэнни вспомнила, как часто прибегала к родителям, порвав с очередным парнем или же просто в плохом настроении, и они садились рядом, давали советы, шутили, вселяя в нее уверенность. Она уже чувствовала себя виноватой за то, что накричала на них.

Она лежала в ванне в своей квартире, поджав колени. Ванная комната была отвратительная: крошечная, тесная, без окон, с настолько убогой и узкой ванной, что Фрэнни даже не могла в ней вытянуться. Краны протекали уже три года, с тех пор как она въехала сюда. Несмотря на ее многочисленные звонки домовладельцу, раковина грозила отвалиться от стены в любую минуту и к тому же была так мала, что в ней едва помещались обе руки.

Коридор был, наоборот, просторным: больше, чем ее, вместе взятые, спальня и гостиная, она же столовая. Вдоль тусклых стен тянулись массивные трубы, которые угрожающе вибрировали, в них булькала вода, когда зимой включали центральное отопление. Эти звуки разносились по всему дому, как эхо шумно включающегося и выключающегося с нерегулярными интервалами бойлера. Фрэнни была убеждена, что однажды все это взорвется и дом взлетит на воздух.

Она села в ванне и начала намыливать грудь. Звонок вывел ее из состояния задумчивости. Она вскочила, расплескав воду на пол и выпустив из рук мыло, которое нырнуло в воду.

Она инстинктивно почувствовала, что это он, и, выбираясь из ванны, старалась представить себе его лицо, но все, что ей удалось вспомнить, – это маленький мальчик с рыжими волосами и веснушками, показывающий пальцем на контрабас. Она видела перед собой мятый полотняный костюм мужчины, но его лицо куда-то ускользало.

Вода ручьями стекала с нее. Пальцы скользили по дверной ручке, и ей пришлось обернуть их полотенцем, чтобы открыть дверь. Распахнув ее, она устремилась через коридор и гостиную с зеленым ковром на полу к коричневому телефону, стоявшему на дешевом, хлипком столике, купленном на ее собственные деньги. Мокрые волосы в беспорядке падали на лицо и шею.

– Алло, – произнесла Фрэнни, стараясь говорить бесстрастно, но прозвучало это скорее как сдавленный писк.

– Это... э-э... Франческа Монсанто?

Она сразу же узнала этот голос. Сначала колебание, потом спокойная уверенность, даже властность.

– Да, слушаю вас, – сказала она.

При звуке мужского голоса в ее памяти прояснилось, и она отчетливо представила себе того, кто звонил.

– Это ваш носильщик.

Эти слова на мгновение вызвали у нее недоумение, затем, поняв, она рассмеялась.

– А, да, здравствуйте. Вы получили мое письмо? – спросила она, тут же осознав бессмысленность своего вопроса.

– Сегодня утром.

Вода текла по щеке. Молчание затягивалось.

– Я отправила его в пятницу.

– А как... э-э... как прошел концерт? – спросил он.

– Концерт? – переспросила Фрэнни недоуменно.

– В Йорке...

– Концерт?.. А-а! – У нее вырвался нервный смешок, прозвучавший, как будто она подавилась рыбной костью. – Это был не мой контрабас. Я везла его подруге в Йорк. Его ремонтировали в Лондоне.

– Понятно. А я... я думал, что вы играете.

– О нет, я ужасно немзыкальна.

Снова наступила неловкая пауза.

– Да, прошу прощения, я не представился – Оливер Халкин.

– Очень приятно, – произнесла она, чувствуя всю неуместную официальность своих слов.

– Вы имеете какое-нибудь отношение к компании?

– Компании?

– Монсанто – довольно известная фамилия в швейной промышленности.

– Нет, не думаю.

Она вдруг с удивлением обнаружила, что рассматривает в окно людей на улице. Над парашютом она увидела брюки, потом женские ноги. Вода тонкой струйкой стекала с ее поясницы на полотенце.

– Я очень рад, что вы заметили объявление, – произнес он.

– Это было такой приятной неожиданностью! – Она немного расслабилась. – Я никогда не думала... Я... Я не читаю «Частный детектив», я увидела его случайно.

– Очень любезно с вашей стороны, что вы написали мне.

– Я... Я не могла поверить, что это про меня, понимаете? Я думала, это про кого-то другого. Вот только насчет Эборакума. Это было умно с вашей стороны.

– Мы могли бы... э-э... встретиться? Может быть, пообедаем вместе?

Обед. Ей понравилась эта мысль. Днем. Все будет совершенно невинно и благопристойно. Правда, ей не так-то просто освободиться днем. Предполагалось, что обеденный перерыв длится час. Конечно, никто не будет стоять около Фрэнни с секундомером, но все же ей не хотелось злоупотреблять этим. Потом она припомнила предостережения Кэрол и Дебби. Обед казался безопаснее, хотя ей вообще не верилось, что этот человек может представлять угрозу для нее. И в конце концов, она может отработать пропущенное время, оставшись подольше вечером.

– Великолпно! Спасибо.

– Вы работаете в Лондоне?

– Да.

– Где-нибудь в районе Сити?

– В Блумсбери.

– Прекрасно. Как насчет вторника?

– Вторник? Я проверю, подождите.

Она прижала трубку к полотенцу на бедре, ее мозг лихорадочно работал. Вторник. Ничего не назначено. Ее записная книжка лежала в спальне, но она знала, что свободна.

– Да, вторник меня устраивает.

– Я пытаюсь вспомнить какое-нибудь место недалеко от вас. Вы знаете Гревилл-стрит?

- Около Грейс-Инн-роуд?
- Да. Там в переулке есть винный бар под названием «Кровоточащее сердце». В хорошую погоду там можно посидеть за столиком на улице.
- Отлично. Я найду.
- Вам удобно в час?
- Да, прекрасно, – сказала она. – До встречи.

Фрэнни пришла на десять минут раньше, потому что отыскала «Кровоточащее сердце» быстрее, чем ожидала. Она надела свой выходной летний костюм темно-синего цвета, белую блузку с отложным воротником и единственные приличные синие туфли. У нее было прекрасное настроение, когда она двадцать минут назад выходила из музея. Сейчас же она представляла собой комок нервов.

Фрэнни пересекла внутренний дворик и перешла на другую сторону улицы, в тень, подальше от палящего полуденного солнца, гадая, нет ли в том, что он выбрал именно это место, некоего тонкого юмора, который она не улавливала.

Она взглянула на свое отражение в витрине магазина, убедившись, что ее лицо в порядке и нос не блестит, затем прошла нервной походкой, не в силах стоять спокойно, бросая взгляды на другие витрины, но почти не замечая, что там. Вместо этого она думала о нем. Оливер Халкин. Все сложилось так, что она встретила его на вокзале и, может быть, никогда после сегодняшнего дня больше не увидит. Его – чье лицо она даже не могла вспомнить, пока не услышала голос. Более того, Фрэнни сомневалась, что сразу узнает его.

Без пяти час она повернула обратно и дошла до симпатичного внутреннего дворика, вымощенного булыжником, где прямо на улице стояли столики, часть из которых была уже занята. Официантка осведомилась, заказан ли у нее столик, и Фрэнни назвала ей имя Оливера Халкина.

Девушка скрылась внутри, через мгновение вновь появившись.

– Он еще не пришел.

Она подвела Фрэнни к столику на солнечной стороне, спросив, не желает ли она чего-нибудь выпить.

– Я подожду немного, – ответила та.

Фрэнни села, осматриваясь вокруг. За соседним столиком сидели три хорошо одетые женщины и болтали без умолку. Столик напротив нее занимали двое мужчин: один поглощал суп, второй пытался справиться с артишоком. Блондин держал за руку женщину в нарядном платье, они входили в бар. Фрэнни слышала слабый стук ножей и вилок, звон бокалов и уловила запах жареной рыбы.

Высокий темноволосый мужчина торопливо вошел с улицы. Он походил по возрасту и телосложению на Оливера Халкина, и Фрэнни на мгновение подумала, не он ли это. Мужчина поймал ее взгляд и заколебался, глядя на нее выжидательно, но явно не узнавая, а затем прошел мимо и направился внутрь кафе.

Роскошная женщина лет тридцати в белом брючном костюме, с золотыми цепочками, бренчащими на запястьях, с важным видом процокала каблучками по булыжной мостовой. Аромат ее духов коснулся ноздрей Фрэнни. За несколько кварталов вдруг взвыла сирена. Затем вошел Оливер Халкин.

Фрэнни встала, и он направился к ней, широко улыбаясь, оттесняя все остальное вокруг нее на второй план. Он остановился перед ней в нерешительности, затем с неловким видом протянул руку. Его рукопожатие было крепким и до смешного официальным.

– Франческа. Прошу прощения за опоздание... Понимаете, уличное движение... – Он поднял руки и уронил их с виноватым видом. – Вы не очень долго ждали?

– Всего лишь несколько минут. Я пришла раньше времени.

Он был выше и имел более крепкое сложение, чем ей помнилось, и сейчас, в ярком дневном свете, тянул скорее на сорок лет, чем на тридцать пять. Одет был примерно так же, как и в прошлый раз, разве что смотрелся элегантнее и свежее в хорошо выглаженном полотняном костюме, полосатой бело-голубой рубашке и веселом галстуке со зверями, напоминающими бегемотов. Он показался Фрэнни столь же красивым, что и в первый раз, даже более того.

Они мгновение изучали друг друга, будто не доверяя своей памяти и желая убедиться, что все правильно. Потом он наклонился к ней и, заговорщически понизив голос, произнес:

– Знаете, вы мне больше нравитесь без контрабаса.

– Если бы не он, вам не удалось бы встретить незнакомку неземной красоты.

Фрэнни улыбнулась, сама удивляясь своему игривому тону. Теперь, когда он был здесь, ее напряжение почти совсем улетучилось, и она мгновенно почувствовала то же влечение к нему, что и раньше.

Он сел напротив нее. Подошла официантка с двумя меню и осведомилась, что они будут пить.

Фрэнни выбрала шприцер⁴, и Оливер заказал то же. Он посмотрел на свои колени, потом вверх, взялся за край стола, как будто хотел подвинуть его, не зная, куда девать руки. Он сложил их, развел и в конце концов положил на край стола. Это были большие сильные руки с тонкими изящными пальцами и ровно срезанными ногтями, которые он долго разглядывал, прежде чем вновь посмотреть на Фрэнни. Она заметила перстень с печаткой у него на пальце, на котором носят обручальное кольцо.

– Итак, расскажите мне о Франческе Монсанта.

Она сцепила пальцы на коленях, отмечая с удивлением, как свободно себя чувствует.

– Сначала расскажите мне про Оливера Халкина.

– В общем-то, рассказывать нечего. – Он вертел в руках меню, и Фрэнни улыбнулась недоверчиво. – Я вдовец, и у меня восьмилетний сын Эдвард, которого вы видели. У нас с братом есть ферма, по выходным я помогаю ему. А вообще, я работаю математиком в банке.

– О-о? – Она вопросительно наклонила голову.

– Да, математика и небо – два больших увлечения в жизни. Правда, сейчас мне не удастся часто летать.

– У вас есть самолет?

– Древняя модель, «Тайгер Мот». Я ее реставрирую, но она еще не пригодна для полетов.

Глаза Фрэнни расширились от удивления, и он сказал:

– Ваша очередь! Теперь расскажите мне о Франческе.

– Ну... хорошо... – Она закусила губу и улыбнулась, почувствовав его напряженное ожидание. – Она археолог. – Фрэнни замолчала, следя за его реакцией. Вроде одобрительная. – Она изучала археологию и антропологию в Лондонском университете. По гороскопу Весы.

Она задумалась на мгновение, водя языком по зубам.

– Ее счастливое число – четыре, любимый цвет – синий. Довольно суеверна. У нее два брата и одна сестра.

Официантка принесла напитки, и Оливер откинулся на спинку стула. Фрэнни заметила, какие широкие у него плечи. Ей вдруг вспомнилось какое-то высказывание насчет того, что мальчик – отец мужчины. В Оливере она видела обоих. Было что-то мальчишеское в его внешности, волосах, в едва уловимой печали в глазах, и в то же время в нем была мужественность: в фигуре, морщинках вокруг глаз, в доверительной манере держаться, в той уверенности, с которой он восседал здесь, как лев в своем царстве.

– Чем они занимаются, ваши братья и сестра? – спросил он.

⁴ Шприцер – напиток из сухого вина и содовой воды.

– Младшая сестра, Мария Анджела, учится в колледже. Старший брат, Витторио, врач в больнице в Дареме. А младший брат, Паоло, – водитель грузовика.

– Довольно разнообразно – я о вашей семье. – Он поднял бокал. – Ваше здоровье.

– Ваше здоровье, – ответила Фрэнни.

Они чокнулись с мелодичным звоном. Их глаза встретились, и Фрэнни почувствовала нарастающее волнение. Она взяла меню.

– Закажем что-нибудь?

Минуту они молча изучали меню. Фрэнни выбрала дыню и палтуса, а Оливер – палтуса и паштет.

Она гадала, отчего умерла его жена, но боялась спросить.

– В каком банке вы работаете? – поинтересовалась Фрэнни.

– Это маленький коммерческий банк, называется «Халкин – Нортроп». – Он пожал плечами. – Сомневаюсь, что вы слышали о нем.

– Халкин? Это как-то связано с вашей семьей?

– Теперь уже только по названию, не больше. У нас осталось не так много акций. Теперешние хозяева лишь из любезности дают мне работу.

– Невероятно! И кем же вы там работаете? В правлении?

– О господи, нет. Я всего лишь консультант. Я копаюсь в своих расчетах, и если у меня что-то получается, они глядят меня по головке и дают кусочек печенья.

– Вы ведете их бухгалтерию?

– Нет, я занимаюсь анализом статистических данных. Изучаю графики, диаграммы, рассчитываю риски. Мы также немного занимаемся перестрахованием – мне приходится предсказывать такие вещи, как, например, сколько народу погибнет в дорожно-транспортных происшествиях в следующем десятилетии, сколько в авиакатастрофах и сколько будет укусов собаками. – Он криво улыбнулся. – Или же сколько офицеров кавалерии умрут от удара копытом своей лошади.

– И много?

– Это очень относительная величина.

– У меня всегда было плохо с математикой.

– У вас не было к ней интереса?

– Я никогда толком не занималась ею, может, поэтому я полный профан.

Он неодобрительно взглянул на нее:

– Это стыдно.

– Почему?

Он прихлопнул ладонью по столу, приходя в возбуждение, и наклонился вперед.

– Потому что очень многие неглупые люди игнорируют ее. Так мало учителей интересно преподают этот предмет в школах. Большинство же превращают его в такую же скуку, как и все остальное, что вы проходили. – Его глаза разгорелись, как огонь, раздуваемый в кузнечном горне. – Археология – красота – симметрия. Подумайте о пропорциях зданий, ваз, мебели. В математике сокрыта универсальная схема. Устройство вещей, – он приподнял, затем поставил свою тарелку, – строение мира.

– Мира? – спросила она.

Он взял в руки бокал и взболтнул его содержимое. Глаза Оливера светились, и Фрэнни передалось его волнение.

– Математика – это самая интересная вещь на свете. Она дает ключ к Вселенной.

Она недоверчиво взглянула на него:

– В каком смысле?

– Вы сказали, что ваш знак Весы. А вы читаете свои гороскопы?

– Иногда.

– Вы верите предсказателям судьбы?

– Ну, не знаю. Думаю, отчасти верю.

– Так вот, я предсказатель.

Ее глаза широко раскрылись.

– И у вас есть хрустальный шар?

– Нет, всего лишь калькулятор. – Он улыбнулся. – Упрощенно говоря, математика может предсказать многие экстраординарные события.

– Какие, например? – Она наклонилась к нему.

– Я могу сказать, сколько человек умрет в следующем году в любой стране мира, от любого несчастного случая, который вы только можете себе представить. Или от любой болезни. Причем я буду более точен, чем все ясновидящие.

Фрэнни допила вино и обхватила бокал обеими руками.

– Правда, вы не можете определить, кто станет жертвой, ведь так?

Он улыбнулся:

– Да, это так. Пока.

– Пока? Вы думаете, что когда-нибудь это будет возможно?

– Во всем есть закономерности. Если мы поймем их, мы сможем найти порядок и в хаосе. – Он поднял бокал. – Что-то я увлекся.

– Нет-нет, мне интересно.

Он отпил и с преувеличенной осторожностью поставил бокал.

– Расскажите мне о своих родителях. Чем они занимаются?

Время пролетело незаметно. Они болтали, столик стал их собственным, далеким от всего остального мира островком, на котором они были одни, поглощенные друг другом. Ничто не отвлекало их, кроме официантки, приносившей еду и напитки и уносившей тарелки. Несмотря на то что Фрэнни уже чувствовала себя пьяной, была выпита еще бутылка вина. С удивлением Фрэнни обнаружила между собой и Оливером много общего. Мнения и интересы. Она рассказала ему, как девчонкой впервые заинтересовалась археологией, прочитав в школе книгу о Древнем Риме, и как уговаривала родителей сводить ее в выходные в старинный замок или музей.

Оливер продолжал говорить о любви к математике, о том, что он видит в ней и науку, и искусство: это единственное, что способно раскрыть загадки Вселенной. Она же рассказывала о своей любви к археологии и говорила, что загадки Вселенной можно раскрыть и с ее помощью, познавая секреты прошлого.

Наконец Фрэнни заметила, что за соседними столиками никого не осталось. Она посмотрела на часы и с ужасом увидела, что уже четыре.

Оливер отвез ее обратно в музей на такси, предложив вновь встретиться в пятницу. Она ответила, что ей будет очень приятно.

Фрэнни словно летела на крыльях в полумрак колонн портала. Чувство вины за опоздание было притуплено алкоголем.

Через час она начала трезветь, и у нее появилось легкое ощущение беспокойства, связанное с Оливером, но причину его она не могла понять. Он казался ей слишком хорошим, чтобы быть настоящим. Как будто что-то не сходилось, в уравнении отсутствовал один член. Это было что-то, чего Оливер не говорил ей, может быть, скрывал или держал в себе. И еще ей не давало покоя чувство, что она его видела раньше.

Отбросив эти мысли, она решила сконцентрироваться на хорошем и нашла, что оснований опасаться нет. Тем более что она уже понимала, как сильно он нравится ей.

5

Дебби Джонсон позвонила ей в среду поздно вечером – полюбопытствовать, как все прошло. Только что вернувшись с аэробики, Фрэнни не намерена была много рассказывать, в душе боясь сглазить. Она пообещала перезвонить подруге в субботу и подробно доложить о свидании в пятницу.

Как только Фрэнни повесила трубку, телефон снова зазвонил. Это был Оливер. Он извинился за то, что так задержал ее во вторник и она из-за него опоздала на работу. Фрэнни ответила, что ничего страшного не случилось, хотя на самом деле получила нагоняй от непредсказуемого Деклана О'Хейра. Они с Оливером поболтали немного. Он спросил, что она делала на работе, и Фрэнни ответила, что весь день занималась составлением каталога индийских кинжалов, а потом сходила на аэробику. Он же сообщил ей, что только что вернулся с тенниса. Наступила пауза, в течение которой ее так и подмывало сказать, чтобы он переходил к делу, но она не хотела выглядеть слишком нахальной и бесцеремонной. Достаточно того, что он позвонил. В глубине души ей было приятно, что в девять часов он дома, а не на каком-нибудь свидании.

Вечером в четверг она помыла голову, но никак не могла расслабиться и успокоиться. Она была не в состоянии ни читать, ни смотреть телевизор и вместо этого немного прибрала квартиру. Фрэнни знала, что ведет себя как девчонка, и сердилась, но ничего не могла с собой поделать.

В пятницу она ушла с работы ровно в полшестого и помчалась домой, лихорадочно соображая, что же надеть. Фрэнни достала черное короткое платье в стиле Шанель, в котором собиралась пойти на свидание. Она любила это платьице, скромное, но изящное, но сейчас вдруг испугалась, что будет в нем недостаточно привлекательной для Оливера. Она выдернула из шкафа еще несколько нарядов, но не нашла ничего более подходящего, так что пришлось надеть черное.

Узкий прямоугольник солнечного света падал на пол спальни, освещая краешек белого ковра, который Фрэнни купила несколько месяцев назад на Петтикоут-лейн⁵, чтобы немного оживить свою комнату. Иногда она казалась темной и гнетущей, несмотря на белые стены и высокий потолок, и Фрэнни чувствовала себя в ней неуютно. Окно, выходящее на полуподвальную лестничную клетку, только усиливало ощущение подземелья.

На стене висело несколько египетских папирусов, а на камине стояли семейные фотографии. Там же лежали два маленьких кусочка мозаики, которые она нашла на своих первых раскопках. Ничто из того, с чем она каждый день имела дело в музее, не возбуждало в ней таких чувств, как ее собственные сокровища.

Фрэнни завершила приготовления в двадцать минут восьмого, и у нее впереди было еще сорок минут, которые она не знала, куда деть. Она оглядела свою гостиную. После вчерашней уборки комната выглядела немного лучше. Это было первое собственное жилье Фрэнни, и дешевая мебель и серость мало значили для нее. Она наслаждалась свободой и независимостью. Ей нравилось играть роль хозяйки, когда к ней в гости приходили друзья. Но большинству из них, как и ей, была привычна подобная, далеко не роскошная обстановка. Только сейчас, когда должен был прийти Оливер, Фрэнни обнаружила, что с неприязнью смотрит на облезлый виниловый диван и кресла, обеденный стол с отслаивающимся покрытием под красное дерево и довольно ветхие тюлевые занавески.

⁵ *Петтикоут-лейн* – улица в лондонском Ист-Энде, где торгуют подержанными вещами, официальное название – Мидлсекс-стрит.

О самой Фрэнни говорили только вставленные в рамку афиши прошедших в музее выставок, книги и предмет ее радости и гордости – маленькая простая глиняная древнеримская ваза, стоявшая на журнальном столике. Ваза напоминала по форме грушу и была довольно невзрачной; ручка и часть горлышка у нее были отбиты, а затем тщательно приклеены на место археологом-любителем, нашедшим ее в 1925 году.

Фрэнни часто думала о том древнем ремесленнике, который сделал эту вазу, пыталась представить себе его или ее. Глина говорила ей, что ваза сделана в Италии. Ее могли привезти сюда какие-нибудь иммигранты вроде ее родителей. Она заплатила за вазу три года назад на Портобелло-роуд пятьсот фунтов в тот самый день, когда ей пришло письмо из музея с сообщением, что она принята на работу. Это было сиюминутное сумасшедшее желание, которое стоило ей всех сбережений, но Фрэнни никогда не жалела об этом.

Она выключила верхнее освещение, оставив лишь маленькую настольную лампу. В полумраке комната казалась почти уютной, и Фрэнни решила оставить так. Еще год, и она сможет купить где-нибудь собственную квартиру. Квартирка, конечно, будет совсем крошечная, но Фрэнни обставит ее по собственному вкусу.

Она взяла с дивана роман Джилли Купер, который только что начала читать, отметила про себя страницу и закрыла его. Девушка запихнула книгу на полку, достала сборник рассказов Ги де Мопассана, открыла, не глядя, и небрежно положила обложкой вверх на то же место на диване.

Ближе к восьми часам Фрэнни начала нервничать. Она зашла в спальню и взглянула на себя в зеркало. Отражение придало ей некоторую уверенность в себе. Короткое платье прекрасно подчеркивало фигуру и открывало ноги. Фрэнни хмурилась, но, заметив морщины на лбу, заставила себя расслабиться и улыбнуться. Яркая красotka с темными блестящими волосами, обрамляющими ее лицо и спадающими на плечи, тоже улыбнулась в зеркале. Она выглядела очень хорошо.

Она выглядела просто великолепно.

Фрэнни вернулась в гостиную, села и взяла Мопассана, полистала книгу, не в силах сосредоточиться. В квартире наверху работал телевизор и были слышны приглушенные выстрелы. Часы показывали пятнадцать минут девятого. Половина девятого. Его все не было. Струсил. Обманул ее. Отправился куда-нибудь на бокс.

Вдруг она услышала шаги. По занавескам скользнула тень. Звякнул дверной звонок.

Фрэнни вскочила, заторопилась в холл и открыла дверь. Оливер Халкин выглядывал из-за огромного букета цветов. Он был рад, что отыскал наконец-то нужную квартиру.

– Прошу прощения за опоздание, – произнес он, протягивая ей цветы, словно бы смущавшие его. – Я надеюсь... вам понравится...

– О-о! – воскликнула она.

Аромат их затмил на мгновение влажное зловоние лондонской ночи – запах полных мусорных баков, выхлопных газов и пыли, – он напомнил ей, что существует другой мир, мир парков и живой зелени.

– Великолепно! – Фрэнни взяла цветы, поднесла к самому лицу и глубоко вдохнула. – Спасибо. – Она импульсивно поцеловала его в щеку, но он никак не отреагировал, и на мгновение воцарилось неловкое молчание.

На Оливере был темно-синий двубортный костюм, который хорошо смотрелся на нем, голубая рубашка с мягким воротничком и желтый галстук. Волосы казались более ухоженными, чем прежде, на ногах были черные полуботинки, почти новые. Его внешний вид не соответствовал образу, сложившемуся в воображении Фрэнни. Она предложила ему выпить; в ответ он взглянул на часы, а затем на нее – без всякого выражения.

– Думаю, нам стоит поторопиться, у меня заказан столик на восемь тридцать.

– Я только поставлю их в воду.

Внезапно квартира показалась Фрэнни тусклой, как никогда. Она проводила Оливера в гостиную, а сама с тяжелым сердцем ушла в кухню и открыла холодную воду. Его поведение начинало беспокоить ее – он держался так отчужденно.

Вернувшись в комнату, Фрэнни была приятно удивлена, увидев, что Оливер с интересом разглядывает ее римскую вазу.

– Это одна из ваших находок? – спросил он.

– Да... что-то вроде этого. Только я нашла ее в магазине. – Вся легкость куда-то пропала, и Фрэнни почувствовала, что ее голос звучит нервозно и сдавленно.

– Сколько ей лет?

– Это примерно пятидесятый год до нашей эры.

– Бог мой. – Он присел на корточки и стал разглядывать вазу еще внимательнее. – У меня дома есть очень похожая. Я никогда не думал, что она такая старая. Для чего их использовали?

– Возможно, для воды или вина. Я могу взглянуть на вашу вазу, если хотите.

– Да, пожалуйста.

– Я иногда испытываю чувство вины из-за того, что обладаю ею.

– Почему? – Он выпрямился.

Она пожала плечами:

– Я думаю, это то же чувство, которое я испытываю, глядя на сокровища, сложенные в подвалах музея и скрытые от всех. Такие вещи – вещи из прошлого – должны быть доступны каждому, и нельзя прятать их у себя, как в маленьком секретном хранилище.

– Вы в любой момент можете открыть свой дом для посетителей. – На его лице промелькнула улыбка.

– Великолепная мысль. Первый английский подвал-музей!

Он засмеялся, и, хотя смех получился несколько натянутым, Фрэнни почувствовала, что напряжение проходит.

На улице уже стемнело. Она последовала за Оливером к маленькому «рено» то ли серого, то ли голубого цвета – под налетом лондонской пыли и грязи было не разобрать. На дверце со стороны пассажира была вмятина, а вместо хромированной или пластиковой накладки виднелся ряд отверстий.

Он открыл перед ней дверцу, выгреб груды бумаг с сиденья, и Фрэнни забралась внутрь. В салоне был ужасный беспорядок. Она осторожно поставила ноги между несколькими библиотечными книгами, лежавшими на полу. Разрешение на бесплатную парковку с надписью «округ Челси» было наклеено на ветровое стекло рядом с кружком квитанции об уплате налога и еще одним каким-то разрешением – каким, она не смогла разобрать. Еще несколько разовых талонов на парковку в целлофановых обертках лежало в углублении над отделением для перчаток вместе с упаковкой спичек, парой шариковых ручек, листочками бумаги и теннисным мячиком.

Фрэнни вытянула ремень безопасности и нащупала пряжку. Оливер влез в машину и сел сгорбившись, уперевшись головой в потолок. Машина была маловата для владельца, словно слишком тесный костюм. Халкин повернул ключ зажигания, и мотор ожил. Оливер посмотрел на Фрэнни.

– Прощу прощения, я немного не в себе. Перед тем как ехать к вам, я получил неприятное известие.

– Мне очень жаль, – сказала она.

– Ничего... – Он пожал плечами. – Сын на каникулах уехал на юг Франции с моими знакомыми, у которых мальчик такого же возраста. У них там вилла. – Его голос оборвался, и он резко рванул машину вперед. – Мне позвонили сегодня вечером – вчера произошел несчастный случай с моторной лодкой. – Он притормозил на перекрестке и сурово посмотрел на

дорогу, как будто намеревался остановить движение испепеляющим взглядом. – Видимо, они поехали подыскивать место для пикника и катания на водных лыжах. На обратном пути лодка переехала девушку, которая купалась.

– Боже мой! Ужасно. А она... сильно пострадала? – после некоторого колебания спросила Фрэнни.

– Она умерла.

– Как страшно.

Оливер решительно направил в образовавшийся просвет, проскочив угрожающе близко от встречного автомобиля.

– А с вашим сыном все в порядке?

Некоторое время Оливер вел машину молча.

– Да. Эдвард в порядке. – Он произнес это как-то странно, будто оправдываясь.

– Иногда шок наступает позже, – сказала Фрэнни, вспомнив, как однажды, четыре года назад, попала в дорожную пробку и одна из машин загорелась.

Сначала всего лишь несколько язычков пламени взметнулось над капотом. Все пытались помочь водителю выбраться, но пламя быстро охватило всю машину, и пришлось отступить. Она смотрела, как он разбил стекло и, крича, пытался вылезти... Смотрела, пока могла выносить это зрелище. Через неделю ей начали сниться кошмары, которые она видела до сих пор.

– Да, – ответил он.

– Кто был за рулем?

– Не знаю. Но не Эдвард. – Он хотел сказать что-то еще, но промолчал.

– Как ужасно для ребенка видеть такое, – произнесла Фрэнни.

– Я говорил с ним по телефону. С ним все как будто хорошо. Он больше интересовался тем, починил ли я его игрушечную дорогу – там был не в порядке трансформатор.

Она улыбнулась. Но в голосе Оливера не слышалось юмора, он погрузился в молчание. Фрэнни посмотрела на него. Время от времени яркий свет уличных фонарей озарял его лицо. Что-то в напряженном профиле Оливера напомнило ей кролика, попавшего в лучи фар и не знавшего, куда бежать. Но лишь на мгновение. Потом это впечатление исчезло.

Ресторанчик представлял собой дешевую оживленную итальянскую trattoria, со столиками, покрытыми скатертями в красно-белую клетку, развешанными на стенах рыболовными сетями и выстроенными на полках оплетенными бутылками кьянти. В воздухе плавал сигаретный дым, запах которого перебивался восхитительными ароматами горячего оливкового масла, чеснока, жареного мяса и рыбы. Все столики были заняты, и внутри царила живая, дружественная атмосфера, в которой Фрэнни сразу же почувствовала себя уютно.

Официант с акцентом, который Фрэнни определила как неаполитанский, провел их по лестнице в подвал, обставленный так же, как и зал наверху. В дальнем его конце сидела компания молодых людей, и оттуда доносились взрывы хриплого хохота. Только два столика были не заняты, и итальянец подвел пару к одному из них, место было рядом с веселой компанией.

– Не желаете аперитив? – осведомился он, подвинув Фрэнни стул.

– Да, я... э-э...

Оливер вопросительно поднял глаза на нее.

– Я бы не отказалась. – Ей нужно было выпить.

– Парочку ваших коктейлей.

– Два «Вито Физзо»! – воскликнул официант, вручив каждому из них большое, написанное от руки меню, и исчез. Перед каждым прибором лежал пакетик панини. Оливер взял свой и оторвал верх.

За их спиной раздался оглушительный взрыв хохота, и Фрэнни оглянулась. Лицо одного из весельчаков показалось ей знакомым. Пышная шевелюра была короче, чем тогда, когда она

видела ее в последний раз, но сомнений быть не могло: эти толстые губы, мощное телосложение, громовой голос. Она смотрела, как Себ Холланд стукнул по столу и прокричал: «Эй, Луиджи, принеси-ка сэндвич с аллигатором, и поживей!» Он повернулся к своим друзьям, хохоча вместе с ними.

Она не видела Себа после окончания университета – больше трех лет. Насколько помнила Фрэнни, он собирался заняться семейным бизнесом. Это была страховая компания, одна из крупнейших в Сити, и сейчас Себ в своем костюме в тонкую белесую полоску и ярком галстуке выглядел как преуспевающий бизнесмен. Их глаза встретились, и он засиял, узнав ее. Себ встал, покачнулся, но устоял на ногах и наклонился через стол.

– Фрэнни, привет! Как ты? Великолепно выглядишь. – Он скользнул взглядом по Оливеру. – Извините, прошу прощения, – проговорил Себ. – Я всегда был влюблен в эту девушку... Могу даже попробовать отбить ее у вас, если еще немного выпью. – От принятого спиртного голос Холланда звучал громко, но невнятно.

Фрэнни покраснела и представила мужчин друг другу.

– Привет, – произнес Оливер.

Наступила короткая пауза, в течение которой они смотрели друг на друга со смутной мыслью, что где-то виделись раньше.

– Мы встречались, – проговорил наконец Себ. Он с трудом держался на ногах, и ему пришлось ухватиться за спинку стула Фрэнни.

– Да... – произнес Оливер насмешливо, – мне тоже так кажется. – Он нахмурился.

Девушка отметила, что выражение его лица стало каким-то свирепым.

– Халкин? Банк «Халкин – Нортроп»?

– Да, – сказал Оливер. – Себ Холланд? Вы имеете какое-то отношение к «Холланд Деларю»?

– Ага.

– А! – Лицо Оливера разгладилось. – Я знаю Виктора Холланда.

– Это мой брат.

– Бог мой! Ваш брат! Я иногда играю с ним в Куинсе.

– А вы, случайно, не были у нас на рождественской вечеринке в прошлом году? Мы могли встретиться там.

– В этом вашем огромном здании? – Глаза Оливера сузились, он пытался припомнить его название. – Да, точно, мы говорили о крикете! Ну, как там Вик? Я давно не видел его.

– Он в порядке.

– Хорошо... прекрасно... – Оливер вдруг неловко огляделся, словно не зная, как завершить разговор. – Передайте ему привет от меня.

– Обязательно передам. – Себ повернулся к Фрэнни. – Ну а как ты? Чем занимаешься?

– У меня все прекрасно. Работаю в Британском музее. Ты-то как?

– Отлично. – Он шмыгнул носом. – Через месяц женюсь. Вон моя невеста. – Он показал в сторону стола, но Фрэнни не поняла, кого он имел в виду. – Люси – может, знаешь ее? – Он поворачивал глазами, с трудом заставив себя смотреть в одну точку. – Нет, это было уже после университета. Да, женюсь через месяц, – повторил он. – Слушай, ты должна прийти! Я пошлю тебе приглашение. У меня остался адрес твоих родителей. Но нам обязательно надо встретиться как-нибудь до этого.

– С удовольствием. Поздравляю.

Фрэнни в душе было приятно, что ее узнали; это прибавило уверенности в себе. Себ вроде не собирался уходить, и Фрэнни чувствовала себя неловко, не зная, о чем говорить.

– Ты все еще в семейном бизнесе?

– Да, половину времени провожу в Штатах. – Он снова шмыгнул носом. – Видишься с кем-нибудь из наших?

– С Меридит. Я недавно была у нее в гостях в Йорке.

– Меридит! Классная девчонка! Она мне нравилась. Как она там?

– Прекрасно. Вышла замуж и очень счастлива.

Он улыбнулся, затем посерьезнел:

– Слушай, ты помнишь Джонатана Маунтджоя?

– Да. – Она хорошо помнила этого высокого спокойного парня, всегда чрезвычайно серьезного и молчаливого.

– Беднягу застрелили в Вашингтоне несколько недель назад.

Фрэнни уставилась на Себа, не в силах вымолвить ни слова. Внутри все сжалось, словно она тонула в ледяной воде.

– Как... Как это случилось?

– Уличный грабитель. Он отдал ему бумажник, но ублюдок все равно застрелил его.

– Господи, бедный Джонатан! – воскликнула Фрэнни. – Это ужасно. Кошмар. – Она содрогнулась, почувствовав вдруг страшную растерянность.

Себ порылся в нагрудном кармане и достал визитную карточку.

– Звякни мне как-нибудь, сходим пообедаем или что-нибудь в этом роде. – Он улыбнулся Оливеру. – Я скажу Вику, что встретил вас, – пообещал он, потом собрался уходить, но, поколебавшись, повернулся к Фрэнни: – Очень рад был тебя видеть.

– Я тоже.

Джонатан Маунтджой. Убит. Мертв. Не существует.

– Вы учились вместе в школе?

Голос Оливера вернул ее к действительности. Она собрала с мыслями и виновато улыбнулась:

– В университете.

Официант принес им коктейли.

Оливер поднял бокал.

– Ваше здоровье, – негромко произнес он. – Рад снова встретиться с вами.

– Я тоже, – произнесла Фрэнни и отпила глоток шипучего напитка. Он имел вкус абрикоса, но она едва почувствовала это.

– Мне очень жаль – я по поводу вашего друга, который погиб.

– Спасибо, – произнесла Фрэнни упавшим голосом. – Вообще-то, я не была так уж дружна с ним, после университета мы ни разу не виделись. Но он был очень хороший. – Она подперла ладонями голову и улыбнулась уже веселее. – Кажется, нам сегодня суждено получать только плохие новости.

– Да, – сказал Оливер. – Ну, не считая того, что вы здесь, – это довольно приятная новость.

Их глаза встретились.

– Спасибо, – произнесла Фрэнни.

Кто-то за столом Себа что-то рассказывал, и одна из девушек протестующе завизжала. Фрэнни внезапно почувствовала, как поток воздуха из кондиционера холодит шею, и мурашки побежали у нее по спине. Она отпила еще из бокала, но по-прежнему не чувствовала вкуса коктейля. Фрэнни казалось, что между смертью Джонатана и Оливером Халкином была какая-то связь. Она попыталась прогнать мысли о том, что это было предзнаменование, касающееся ее и Оливера. Она должна порвать с ним, пока не поздно.

Официант стоял рядом, ожидая; они изучили меню и сделали заказ. Потом наступило гнетущее молчание. Оливер вытряхнул из своего пакетика панини палочку, затем положил ее рядом с упаковкой, тщательно выровняв параллельно ножу.

– О чем вы задумались? – спросил он.

– Я размышляла о совпадении – мы оба знаем Себа, встретили его случайно.

Оливер молча отломил кусочек от своей палочки панини и съел.

– Я не люблю совпадений, – произнес он.

– Почему?

Он пожал плечами, затем опустил глаза, как будто стесняясь своих слов.

– У меня их было довольно много за последние годы, и не слишком приятных. Поэтому я жду от них скорее плохого. Они раздражают меня. Хотя, наверное, это звучит глупо.

Фрэнни улыбнулась ему, подивившись его суеверности:

– Такое ведь со всеми происходит, правда. Неужели с вами никогда не случалось безобидных совпадений, – например, вы думаете о ком-нибудь, и вдруг этот человек звонит вам по телефону?

– Не уверен, что бывают ничего не значащие совпадения.

Фрэнни смотрела на его лицо и уже не могла скептически улыбаться.

– Что заставляет вас так думать?

Оливер повертел в руках пакетик панини, его следующий ответ отнюдь не поднял настроения Фрэнни.

– Самым худшим из них была смерть моей жены. – Он беспомощно развел руками.

– Простите, – сказала Фрэнни, – но что с ней случилось? – Она почувствовала, что должна знать это.

Он наклонился вперед и начал сосредоточенно чертить ногтем прямую линию на ска-терти.

– Практически любые совпадения, – задумчиво продолжал он, словно не слыша ее вопроса. – Наталкиваешься на кого-нибудь, как с Себом Холландом. Постоянно выпадает одно и то же число... Да что угодно.

На его лице вдруг возникла блуждающая улыбка, обращенная скорее к Вселенной, чем к Фрэнни.

– Французский математик Лаплас сказал, что шанс есть выражение человеческого незнания.

– Это то, во что вы верите?

Он поднял свой бокал за ножку, взял его в ладони и медленно покачал перед глазами, с подозрением изучая содержимое.

– Хаос. Все эти пузырьки лопаются в беспорядке. Но эффект очевиден – напиток вкусен и не ядовит. Порядок из хаоса! Видите? – Оливер продолжал разглядывать бокал с выражением какого-то ребяческого удовлетворения.

– Может быть, следующее совпадение окажется счастливым, – произнесла Фрэнни, отпив еще немного.

– Может быть, – ответил он без особой уверенности.

Внезапно картина из прошлого промелькнула у нее перед глазами. Джонатан Маунтджой в поношенном пальто, засунув руки в карманы, стоял, уставившись в пространство. Таким она запомнила его, – казалось, он вечно немного не в себе, где-то в своем собственном мире. Вялый, молчаливый Джонатан, протягивающий кому-то бумажник, затем пистолет... выстрел.

И все.

Она справилась с комком в горле, положила руки на стол, неловко потянулась к своему бокалу и остановилась, вдруг заметив, что он уже пуст.

Не уверен, что бывают ничего не значащие совпадения.

– Моцарелла для синьорины! – Официант поставил перед ними тарелки, затем взмахнул перчаткой над минестроне Оливера и несколько раз резко ее крутанул.

Еще один официант появился с бутылкой вина, которую тут же торжественно открыл. Фрэнни изучала собственную тарелку, но аппетит у нее исчез. Она хотела, чтобы кто-нибудь сказал ей, что влюбляться в Оливера Халкина совсем не опасно. Взглянув на него, Фрэнни

увидела, что он пробует вино, держа бокал одной рукой. Другая рука лежала на столе, большая и крепкая, ремешок часов охватывал мощное запястье, поросшее волосами. Печаль вновь появилась в его глазах, и Фрэнни вдруг захотелось прикрыть ладонью его руку, утешить его, утешить себя.

Ее влечение к нему росло, но вместе с тем росло и беспокойство. Он улыбнулся Фрэнни, будто читая ее мысли.

Они продолжили беседу за ужином, и Фрэнни заставила себя съесть хоть что-то, говорили о смысле жизни, высказывали доводы, которые не успели привести друг другу во вторник. Оливер вовлек ее в разговор о математике и физике, помог ей немного понять мир этих наук. Успокоившись, Фрэнни рассказала ему, что пыталась читать «Краткую историю времен», но отложила ее, дойдя до середины. Он рассмеялся и ответил, что сам не осилил и четверти. И тут же изложил эти теории так, что ей стало понятно если не все, то уж большая часть наверняка.

Она выпила две порции ликера самбука с кофе и уже была слегка пьяна, когда они в начале второго покинули ресторан. Теперь она чувствовала себя спокойно рядом с Оливером. Пока Фрэнни возилась в машине с ремнем безопасности, у нее промелькнула смутная мысль, что если кто и перепил сегодня, то это она. Она даже не обратила внимания, ушел ли Себ Холланд.

Оливер отвез ее домой и проводил до входной двери. Фрэнни надеялась, что продолжения не будет, так как не смогла бы ему отказать, но ей хотелось, чтобы это случилось не просто так, а сейчас она была слишком пьяна.

– Может, зайдете на чашечку кофе? – спросила девушка.

– Мне... уже пора... Довольно поздно. – Он вдруг замялся. – Я хотел... Эдвард приезжает завтра. Это его последний уик-энд перед школой. – (В слабом свете уличных фонарей Фрэнни заметила, как он покраснел, и гадала, что за этим последует.) – Если вы не заняты, может... съездим вместе за город на уик-энд? Вы ему понравились тогда, на Кингс-Кросс.

Она подумала о том, как это будет выглядеть, но чувства взяли верх. Завтра она должна была идти на вечеринку, на которую, правда, особо не рвалась, а в воскресенье она собиралась поехать к родителям, но уже подумывала, как бы избежать этого. После того скандала в субботу Фрэнни вполне могла обойтись без них несколько недель.

– Я согласна, – произнесла она.

Ему было явно приятно.

– Что, если я заеду за вами в десять?

– Мне надо что-нибудь брать с собой?

– Резиновые сапоги. Я не знаю, какая будет погода. Одевайтесь как можно проще. И захватите купальные принадлежности.

– Я буду готова в десять.

Он мгновение смотрел на нее, потом легонько поцеловал в щеку, немного отошел и подождал, пока она не войдет внутрь.

Закрыв дверь и задвинув щеколду, Фрэнни почувствовала себя на седьмом небе от счастья. Ее эмоции выплеснулись наружу, все прежние страхи были забыты, она уже предвкушала завтрашнее удовольствие. Само выражение «за город» вызвало в ее воображении образ ветхого, затерянного среди полей и лесов полуразвалившегося фермерского дома, с каменным полом и горящим очагом. Она представляла, как они с Оливером гуляют, может быть, обедают в местном ресторанчике, загорают около бассейна, за оградой которого ходят овцы. Она понравилась мальчику. Эдварду. Фрэнни почувствовала себя польщенной.

Она прошла в кухню, включила свет и в задумчивости уставилась на цветы, которые преподнес ей Оливер. Затем принялась искать, куда бы их поставить. Тут она вспомнила про

белую керамическую вазу с зеленым ободком, подаренную ей как-то на день рождения Мери-дит Миннс, и достала ее с полки для посуды.

Расправив цветы в вазе, Фрэнни вдруг почувствовала себя необычайно бодрой и дико счастливой. Она перенесла цветы в спальню и, водрузив на каминную доску, стала перебирать белые и розовые гвоздики, желтые и оранжевые лилии, по очереди вдыхая их аромат, затем отступила, чтобы полюбоваться букетом.

Легла Фрэнни только после двух, поставив будильник на восемь утра. Но, уже погасив свет, от возбуждения еще долго не могла уснуть.

Когда же наконец заснула, ей приснился зловещий сон, в котором она бежала по темным пустынным улицам города. Впереди Фрэнни видела силуэт Джонатана Маунтджоя, вырисовывающийся на фоне высокого здания. Она бежала, но расстояние между ними не сокращалось ни на дюйм, хотя он стоял на месте. Шаги гулко отдавались в переулке. Кто-то бежал к Джонатану, держа в руке пистолет. Фрэнни попыталась закричать, предупредить, но не могла издать ни звука. Она видела дрожащую руку и направленный на Джонатана пистолет.

— Джоната-а-а-а-ан!

Раздался выстрел – она внезапно проснулась.

Кричали люди. Выли сирены полицейских автомобилей и «скорой помощи». Вдруг она осознала, что это настоящая сирена, где-то невдалеке. Но выстрел прозвучал здесь, в ее комнате. Удар или шлепок.

В квартире кто-то был.

Фрэнни похолодела от страха. Несколько мгновений она не могла сдвинуться с места. Потом медленно подняла руку, нащупывая выключатель. Щелчок.

Вспыхнул свет. Она оглядела комнату испуганными глазами. Мертвая тишина, ни малейшего звука, ничего не сдвинуто. Но что-то было не так. Тени от лампы падали на потолок, на сидевшую прямо над ней муху. Фрэнни посмотрела на картины на стене, на шкаф. Во рту у нее пересохло. Она взглянула на камин. Камин, на который она аккуратно поставила вазу с цветами.

Ваза стояла там, но цветов не было.

Она резко села. Цветы были разбросаны по полу, как будто кто-то в безумной ярости расшвырял их по комнате. Кто-то или что-то.

6

Оливер подъехал чуть позже десяти. Он был в рубашке для регби, мешковатых красных брюках и старых, со шнурками, парусиновых туфлях. Подхватив ее сумку, он подошел к облепленному столетней грязью «рейнджроверу».

– Что случилось? Ваш «рено» волшебным образом попрос? – спросила Фрэнни.

Он рассмеялся:

– На «рено» я мотаюсь по городу, он слишком потрепан, чтобы выдержать дальнюю поездку.

Внутри «рейнджровера» царил такой же беспорядок, как и в «рено». Вдобавок на заднем сиденье валялись мятые подстилки и набор жеваных колец и резиновых костей.

– Это Капитана Кирка, – объяснил Оливер.

– Капитана Кирка?

– Собака Эдварда; он считает эту машину своей конурой.

Они направились к югу, вначале с трудом двигаясь по забитым машинами улицам, а затем выехали на автостраду, где поток машин уменьшился. Солнце било им в глаза, на небе ни облачка. Фрэнни, в клетчатой рубашке с тонким джемпером, накинутым на плечи, белых брюках и кроссовках, чувствовала себя легко и удобно, однако о душевном равновесии и речи быть не могло. Она ощущала усталость после бессонной ночи, не проходила резь в глазах.

Цветы не выходили у Фрэнни из головы. Она проверила всю квартиру, но окна были плотно закрыты, дверь на замке, и никто не мог проникнуть внутрь. Девушка поставила цветы в вазу, и утром они все еще стояли там. Она готова была поверить, что ей все это приснилось. Или же она так неадекватно отреагировала на обычную бытовую нелепицу.

Фрэнни начала расспрашивать Оливера про его ферму, стараясь представить ее себе. Он сказал, что управляющий, его младший брат Чарльз, ярый приверженец идей зеленых и на его ферме используются только экологически чистые продукты. Они разводят большие стада выращенного на чистом корме крупного рогатого скота и овец, несмотря на то что это сопряжено с разными трудностями, о некоторых Оливер вкратце рассказал ей. Она узнала также, что Чарльз развелся с женой и на выходные брал к себе сына Тристрама, ровесника Эдварда.

Оливер вел машину так, что Фрэнни могла только посочувствовать ехавшим за ним. Большую часть времени «рейнджровер» двигался нормально, разве что чуть быстрее, чем нужно, но иногда, когда Оливера что-то увлекало, он мог ехать несколько миль, не обращая внимания на включенный указатель поворота, или же забывал переключить передачу, и мотор бешено ревел. Несколько раз Фрэнни была уверена, что он не собирается останавливаться на красный свет, и инстинктивно пыталась нащарить под ногой педаль тормоза.

Теперь, на автостраде, все стало на свои места. Окна были открыты, и ветер, врываясь в салон, трепал волосы Фрэнни. Она откинулась на сиденье и, расслабившись, стала разглядывать сквозь темные очки окружающий пейзаж.

Чем дальше они удалялись от Лондона, тем реже Фрэнни вспоминала бессонную ночь. Предстоящий уик-энд обещал многое, и Фрэнни решила получать удовольствие. Возвращение домой, казалось, отодвинулось на сотню лет, и она гадала, станет ли Оливер к тому времени ее любовником.

Друзья, с которыми Эдвард отдыхал во Франции, сегодня утром сели на паром, идущий в Дувр, и должны были привезти его домой где-то в середине дня. Совершенно очевидно, несчастный случай с моторной лодкой мучил Оливера, он уклонялся от разговоров о мальчике, однако Фрэнни чувствовала, что тот имеет большое влияние на отца. Она вдруг осознала, как мало знает об Оливере. Встречаясь, они говорили только о том, что их интересовало, о взглядах на жизнь, лишь мимолетно касаясь своих семей. Фрэнни больше не удавалось вернуться к

вопросу о смерти его жены, а ей было очень интересно, как она умерла и что это за совпадения, не дававшие Оливеру покоя. Но она не хотела быть назойливой.

Холмы Саут-Даунс, как огромный барьер, высились на горизонте, постепенно приближаясь, и, проехав еще несколько миль, машина свернула с автострады на оживленную сельскую дорогу. Потянуло навозом, но после лондонской духоты даже этот запах показался Фрэнни освежающим.

– А в какую школу ходит Эдвард? – спросила она.

– Есть местечко под названием Стоуэлл-Парк. Частная школа в десяти милях оттуда. Удобно забирать его по выходным.

– Он и живет там?

– Да.

– Как он к этому относится?

– Нормально. Он сам хотел этого.

Через просвет в живой изгороди она заметила суматоху – шла распродажа прямо из багажников автомобилей.

– А вы тоже жили в интернате? – спросила она.

– Да, с семи лет.

– Вам нравилось?

– Я ненавидел это, я вообще с неохотой учился в школе.

– Почему?

Он пожал плечами:

– Наверное, потому, что не мог делать того, что хотел. И еще я не любил командные игры. – Он улыбнулся и почесал ухо. – В детстве я интересовался только математикой и самолетами. Мы могли лишь раз в неделю заниматься планерным спортом, и только летом. А учителя математики всегда казались мне просто толпой мужланов. – Он снова улыбнулся. – Думаю, я не очень подходил для школы. А вам нравилось там?

– Да, почти всегда. Особенно история и классическая литература. На каникулах я всегда с нетерпением ждала начала новой четверти. Все, наверное, думали, что я ужасная зубрила.

– А про меня все думали, что я ленивый тип, не желающий, чтобы его дергали все время. Возможно, они были правы.

– А Эдварду действительно нравится школа?

– Да, – произнес Оливер, и оба некоторое время молчали.

Они ехали по объездной дороге, мимо старинного города, построенного на холме; на вершине Фрэнни заметила развалины замка.

– Льюис, – сказал Оливер, – главный город графства Суссекс.

– Где Симон де Монфор⁶ в тысяча двести шестьдесят четвертом году разгромил и взял в плен Генриха Третьего.

Он вопросительно взглянул на нее.

– А также родина Гидеона Мантелла, который открыл динозавров, – добавила она. – Первоначально древнесаксонская крепость, затем монастырь Кланьяк.

– Вот это да!

Фрэнни улыбнулась.

Они проехали по глубокому ущелью между меловыми холмами, несколько миль по ровной долине, затем замедлили ход и свернули на узкую дорогу, окаймленную с обеих сторон разросшимся кустарником. Дорога вилась по склону холма, и, когда они спускались по ней,

⁶ Симон де Монфор, граф Лестер (ок. 1208–1265) – возглавил выступление баронов против королевской власти в царствование Генриха III. После победы над сторонниками короля при Льюисе стал лорд-протектором Англии, в 1265 году созвал первый парламент.

Фрэнни увидела внизу болотистую равнину, укрытую туманом. Они проехали знак ограничения скорости до тридцати миль в час, а затем другой, наполовину скрытый зарослями высокой крапивы: «Местон. Пожалуйста, снизьте скорость».

Дальше дорога шла по равнине. Слева Фрэнни увидела изящный сельский домик, сложенный из местного камня, и решила, что Оливер повернет туда, но он проскочил мимо, даже не взглянув, направляясь к небольшой деревушке с домами из песчаника. Позади остались старомодный деревенский магазинчик под названием «Доспехи Шерфилдов» и церковь в нормандском стиле, которая заинтересовала Фрэнни.

Дорога за деревней поднималась круто в гору; справа от нее находилась сплошная кирпичная стена, за которой над территорией обширного парка покачивались кроны древних толстых деревьев, а слева было огороженное поле. Оливер переключил передачу, и, когда они проехали поворот, Фрэнни заметила, что впереди, над холмами, возвышалось что-то странное. Это выглядело как огромная птица, застывшая в полете. По мере приближения Фрэнни разглядела, что это один из двух массивных каменных крылатых драконов на столбах у ворот.

Оливер снизил скорость и включил указатель поворота. Черные буквы на белой табличке, укрепленной на массивном постаменте, гласили: «Местон-холл. Открыт сегодня для осмотра с 10:00 до 17:00».

Фрэнни посмотрела на Оливера, но определить что-либо по выражению его лица было невозможно. Драконы возвышались над ними: грозные существа с чешуйчатыми хвостами. Оливер въехал в ворота и повел машину по аллее, обсаженной тисами. Она вела к красивой арке, вверху которой находился золотой циферблат, увенчанный венецианским куполом. Стрелки показывали 11:40.

Они проехали под аркой и оказались на пересечении дорог, среди густой чащи тисовых деревьев. Оттуда в разные стороны были направлены указатели: «Часовня», «Чайная комната», «Стоянка автомобилей», «Дом», «Сад», «Ферма». Одна табличка, стоящая отдельно, гласила: «Маркиз Шерфилд приносит извинения посетителям за все неудобства, связанные с ремонтом здания».

Фрэнни вдруг пришло в голову, что Оливер может ее просто разыгрывать. Оливер направил машину в сторону указателя «Дом» и «Стоянка автомобилей», и, как только они завернули за угол, дом внезапно вырос перед ними.

Это был возведенный на вершине холма, возвышающийся над всей округой старинный елизаветинский замок из красного кирпича, такой же огромный, как и многие другие дома-музеи, которые она ребенком посещала с родителями.

Он стоял изысканный и надменный; кирпичные дымовые трубы, величественно устремленные в небо; ряды узких высоких окон с готическими желобами; тяжелые главные ворота, расположенные в отдельной башне с бойницами. Перед фасадом шла дорожка, посыпанная гравием, отделявшая строгую зеленую лужайку с ровно подстриженной травой, за лужайкой начинался парк, простирающийся до самой долины.

– Это ваш дом?

Оливер кивнул с виноватой улыбкой школьника.

Впереди показался знак: «Дальше движение транспорта запрещено». Справа торчала маленькая будка билетной кассы, а позади нее через ров был перекинут деревянный мост, за которым находилась небольшая лужайка с огромным кривым дубом и полудюжиной стоящих в беспорядке машин. Печать запустения коснулась не только замка, но и всей прилегающей территории. Было видно, что прилагаются титанические усилия, чтобы поддержать былое величие, но исход битвы с разрухой уже предрешен.

Оливер нажал на тормоз, и автомобиль остановился. К ним спешила крепкого сложения женщина лет шестидесяти, подняв руку в приветствии. Ее опередил спаниель, он подбежал к

автомобилю и яростно залаял. Оливер открыл дверцу, пес мгновенно вскарабкался к нему на колени и облизал лицо.

– Капитан Кирк! Привет, дружище! Привет, привет! Поздоровайся с Фрэнни!

Собака прыгнула на колени к Фрэнни, заколотила хвостом, когда девушка ее погладила, затем перебралась через Оливера, выскочила наружу и вопросительно гавкнула.

Женщина наконец подошла к машине и остановилась тяжело дыша, удостоив Фрэнни лишь внимательным, беглым взглядом. У нее было доброе, довольно приятное лицо. На ее нескладно сидевшей синей футболке красовалась надпись, сделанная золотыми буквами: «Местон-холл, Восточный Суссекс». Немного картавя, женщина произнесла уверенным голосом:

– Доброе утро, лорд Шерфилд.

– Доброе утро, миссис Бикбейн. Как у нас дела?

Фрэнни смотрела на него с возрастающим удивлением. Она почувствовала себя не в своей тарелке. Женщина вновь скользнула по ней изучающим взглядом, словно по выставочному экспонату. Фрэнни была раздражена: Оливер не торопился ее представить.

– Неделя была неплохая, – произнесла женщина, – да и сегодня началось хорошо. Уже около дюжины.

Оливер одобрительно кивнул. Спаниель снова нетерпеливо тявкнул.

– Тихо! – крикнул Оливер.

Женщина вздохнула и вытерла лоб тыльной стороной ладони, давая понять, что устала от жары.

– Вчера был удачный день в чайных комнатах. Куча бездельников. Целых двадцать четыре. Все пили самый дорогой чай.

– Прекрасно. Замечательно. Вы хорошо поработали.

Мотор все еще тарахтел, и Фрэнни сидела, вежливо улыбаясь, чувствуя, что является объектом пристального изучения. Наверняка она еще многого не знала, но надеялась выяснить все в течение следующих двадцати четырех часов, особо не привлекая к себе внимания. Она внимательно слушала, что женщина стала говорить Оливеру. Несмотря на нервозность, граничащую с паникой, Фрэнни старалась не пропустить ни слова.

– Мы можем делать здесь гораздо больше, не только поить их чаем. Надо держать все это открытым и зимой тоже. По-моему, на этих бездельниках можно неплохо заработать.

– Да... а-а... да, конечно, вы правы... конечно. – Оливер задумчиво кивал, глядя на Фрэнни. – Это... э-э... мисс Монсанто, – сказал он. – Миссис Бикбейн.

Миссис Бикбейн выпрямилась и наклонила голову набок, чтобы лучше рассмотреть Фрэнни.

– Здравствуйте, – произнесла она приятным, но несколько подобострастным тоном, который немного смутил девушку.

– Привет, – ответила Фрэнни.

Оливер включил передачу:

– Ну хорошо... э-э... увидимся позже.

– О, кое-что. Молодой Клифф из деревни хочет поговорить с вами.

Оливер установил рычаг в нейтральном положении.

– Клифф Уэббер? – переспросил он с недоумением.

– Сын Чарли Уэббера.

– А-а. – Оливер все еще, казалось, был в замешательстве.

Миссис Бикбейн оглянулась и, убедившись, что никто не подслушивает, произнесла:

– Собирается жениться. Хочет поговорить с вами насчет дома.

– Я буду сегодня в конторе.

– Я скажу ему, чтобы он забежал к вам, хорошо?

– Хорошо, около трех.

Он медленно тронулся с места, Капитан Кирк побежал за машиной. Она свернула на дорогу, посыпанную гравием, и поехала вдоль замка.

– Миссис Бикбейн, – сказал Оливер, – иногда напоминает дракона, но она управляет всем этим железной рукой. – Он остановился и терпеливо подождал, пока молодой японец сфотографирует свою девушку на фоне главного входа.

Фрэнни вопросительно повернулась к Оливеру:

– Лорд Шерфилд?

Он ради приличия сделал смущенное лицо.

– Я не вспоминаю о титуле. Моя жена обычно... – Он замолчал.

– Значит, вы пэр?

– Боюсь, не слишком деятельный. Когда я не в банке, я провожу почти все время здесь, пытаюсь поддерживать хоть какой-то порядок.

Фрэнни поглядела в окно. С близкого расстояния было заметно, что дом запущен куда сильнее, чем казалось поначалу. Краска на рамах отслаивалась, отсутствовали большие куски кирпичной кладки. Стены нуждались в немедленном ремонте, а сами камни столетиями разрушались ветром и дождем, под сточными желобами их покрывала зеленая слизь. Растения взбирались по стенам, закрывая некоторые окна, а кое-где даже проникая внутрь.

Фрэнни внимательно рассматривала герб, вырезанный на каменной плите над воротами, заметив среди прочих символов дракона и надпись на латыни, которая сделалась неразборчивой от времени. Японец широко улыбнулся, и Оливер вновь тронул машину с места. Ей казалось все это нереальным, похожим на сон, когда она попыталась осознать, что это действительно дом Оливера и они остановятся именно в нем. Она представила себе, что сказал бы ее отец.

Дорога уперлась в невысокую стену, за которой виднелось круглое, окаймленное резным бордюром озерцо с неработающим фонтаном. Большая вывеска предупреждала: «Частная собственность. Посетителям вход воспрещен».

Оливер потянул ручной тормоз и выключил мотор. Снаружи скакал и пронзительно лаял Капитан Кирк. Фрэнни спрыгнула на землю, и пес будто сошел с ума: завертелся на месте, пытаясь поймать свой хвост, скользя лапками по гравию, затем перепрыгнул через стену, обогнул озерцо и понесся к растущим невдалеке буковым деревьям. Она захлопнула дверцу – звук разнесся в воздухе, и снова наступила абсолютная тишина. Через несколько мгновений ее нарушило блеяние овец, доносившееся издалека.

Оливер открыл багажник и достал сумки. Фрэнни, наслаждаясь запахом травы, прошла по лужайке к парапету и взглянула на простирающийся до самой долины парк. Зеленые холмистые луга, на одном из которых паслась пара лошадей, на другом – отара овец, спускались к густому дремучему лесу на дне долины. Сквозь деревья виднелось мерцавшее жемчужным блеском озеро. Другая сторона долины также заросла лесом, переходящим в пастбище, по которому разбрелись овцы. Повсюду возвышались каменные обелиски, классические колонны и статуи, что усиливало возникшее у Фрэнни ощущение нереальности.

Она повернулась к Оливеру, молча стоявшему за ней с сумками в руках.

– Впечатляюще, – восхищенно произнесла она, чувствуя себя по-прежнему неловко. А затем добавила в ярости: – Я бы убила вас!

– Но почему? В чем дело?

– Почему вы не сказали мне обо всем этом? Неужели вы думали, что это отпугнет меня?

– Что я должен был сказать?

Она прошла в задумчивости по высокой колышущейся траве.

– Не знаю.

– Так почему вы расстроились?

– Вы совсем смутили меня. Я даже не взяла приличного платья.

– Боже мой! Мы же здесь одни, вы и я.

– А ваша прислуга?

Он обнял ее одной рукой и легонько прижал к себе.

– Ты выглядишь великолепно и так, и тебе совсем не нужны бальные платья. Мы здесь обычно ходим в джинсах. – Он легонько поцеловал ее в щеку. – Идем, надо разобрать вещи.

Она бросила на него взгляд, в котором читались злость и веселье.

– Сколько вы живете здесь?

– С тысяча пятьсот восьмидесятого года.

– Не думала, что ты такой старый.

В уголках его глаз мелькнул смех, волосы Оливера растрепал ветер, и они рассыпались по лбу.

– Халкины жили здесь с тех самых пор, как был построен замок. Правда, он не всегда передавался от отца к сыну, наша родословная очень запутанна.

Оливер повернул к проходу в стене, и Фрэнни, следуя за ним, обнаружила еще одно крыло. Открытие, что дом настолько велик, поразило ее. Построенное в том же стиле, что и фасад, крыло располагалось за прямоугольными цветниками, обделенными заботой садовника. Позади здания виднелись теплицы и огород. Вьющаяся струйка голубого дымка напомнила Фрэнни, что лето уже на исходе.

– В этой части дома я... э-э... мы и живем, – произнес Оливер.

Она последовала за ним по узкой, посыпанной гравием дорожке, окаймленной с обеих сторон цветочным бордюром, вдоль стены дома, мимо шмеля, выделяющего акробатические трюки на гибком стебле вьющейся розы, мимо разросшейся, как дикое растение, гортензии и остановилась перед входной дверью. Это была дубовая дверь, такая же, как дверь главного входа, только она не выступала вперед. Над дверью располагался все тот же вырезанный в камне геральдический щит, на одной из частей которого был изображен дракон.

Пока Оливер вставлял ключ в замок и с резким скрежетом поворачивал его, Фрэнни разглядела на свитке под драконом изречение на латыни, которое показалось ей знакомым. Вдалеке раздался гулкий печальный удар колокола. Фрэнни бросила взгляд на часы – 11:45.

Она снова посмотрела на герб и перечитала надпись: «Non omnis moriar». Машинально Фрэнни перевела ее. *Весь я не умру.*

Оливер открыл перед ней дверь, и она, нахмурившись, шагнула в просторный темный холл. Конечно, это изречение попадалось ей на уроках латыни в школе, но она встречала его и где-то еще. И эта мысль почему-то не давала ей покоя.

7

Оливер подождал Капитана Кирка и закрыл дверь. Внутри был прохладный полумрак. Фрэнни спохватилась, что забыла снять солнечные очки, но и без них намного светлее не стало. Солнце проникало в помещение сквозь узкие окна, создавая причудливые сочетания света и тени, в его лучах плясали пылинки.

Оливер и Фрэнни стояли в большом, обшитом панелями холле с каменным полом, кое-где покрытым красивыми ковриками. В центре был круглый инкрустированный стол и на нем ваза со свежими цветами. Широкая дубовая лестница вела вверх, на лестничной площадке красовались рыцарские доспехи.

Внезапно внимание Фрэнни привлек приземистый бронзовый сосуд в виде двух баранов, прижавшихся спинами друг к другу. Она подошла поближе и начала пристально разглядывать его. Он был прохладный и, несмотря на замысловатый резной узор на поверхности, гладкий на ощупь. Вся неловкость тут же улетучилась, и Фрэнни взволнованно повернулась к Оливеру:

– Как давно это стоит здесь?

Оливер посмотрел на нее несколько озадаченно.

– Никогда толком не знал, что это такое, – произнес он.

– Это китайское. Называется зан.

– Зан? – В его глазах промелькнула усмешка.

– Сюда, должно быть, наливали вино. Знаешь, сколько ему лет?

– Около двухсот, думаю. Его привез кто-то из моих предков с Востока – у семьи когда-то были там деловые интересы.

Фрэнни, щурясь в полумраке холла, внимательно изучила резьбу на рогах, потом с трудом наклонила кувшин и заглянула под одну из ног барана.

– По-моему, это эпоха Шан⁷, где-то между тысяча семисотым и тысяча пятидесятым годами до нашей эры.

Оливер был потрясен.

– Мой отец использовал его как подставку для зонтов.

Фрэнни думала, что Оливер шутит, но, взглянув на него, поняла, что это правда.

– Кувшин бесценен!

– Здесь у нас полно всякого хлама. Ничего никогда не разбирали как следует. Может, мне стоит нанять тебя?

– Только если что-нибудь римское или восточное, в других вещах я не очень разбираюсь.

– До того как построили этот дом, тут была древнеримская вилла.

– А кто-нибудь проводил раскопки?

– Да, примерно в тысяча восемьсот двадцатом году. Откопали мозаичные полы и бассейны, потом опять засыпали и посадили буковые деревья.

– Господи, но зачем?

– Думаю, им надоели всякие бездельники, шатающиеся вокруг. – Он взял сумки. – Ну ладно, надо разобрать вещи.

Они поднялись по лестнице, обитой панелями с изображением сцен охоты. Потом прошли через дверной проем с фронтоном и, оставив позади висевшие на стене пожарное ведро и огнетушитель, которые придавали помещению какой-то казенный вид, очутились на лестничной площадке, просторной и темной. Под ногами поскрипывал натертый паркет.

Оливер остановился перед дверью и кивнул в конец коридора:

⁷ Государство Шан (Инь) существовало на территории Древнего Китая, по некоторым источникам в XVIII–XII веках до н. э.

– В той стороне находится главная часть дома, открытая для посетителей. Если хочешь, можешь побродить там, ну, конечно, купив билет.

– Билет? – удивилась Фрэнни, но, взглянув на него, поняла, что он просто смеется над ней.

Оливер открыл перед ней дверь. Фрэнни вошла в большую, скудно обставленную спальню, в которой стоял запах заплесневелой материи. Несмотря на льющий в окна солнечный свет, комната выглядела сырой и холодной, будто ею давно уже никто не пользовался, а обстановка не менялась десятилетиями.

Оливер щелкнул выключателем около двери и, похоже, был удивлен, когда под потолком вспыхнула лампочка. Взглянув на нее несколько раз с выражением почти первобытного изумления на лице, он выключил свет и, подойдя к шезлонгу, стоявшему возле двуспальной кровати мрачного вида, водрузил на него сумку Фрэнни.

– Там, по коридору, вторая дверь слева – туалет, а сразу за ним ванная. Правда, боюсь, в елизаветинские времена не предполагали, что потом здесь сделают ваннные комнаты.

Фрэнни выглянула в окно, из которого открывался вид на долину.

– Потрясающе! Сколько земли принадлежит тебе?

– К северу до той дороги, с которой мы свернули, а к югу – до самой реки, ее отсюда не видно.

– А деревня, через которую мы проезжали?

– Она... мм... принадлежит мне.

– Принадлежит тебе?

– Да. – Он почесал кончик носа и смущенно улыбнулся. – Там около семидесяти домов – они все сдаются за номинальную плату. Почти вся земля сдана в аренду, поэтому и большая часть домов отдана работникам.

– Вот так феодализм!

– Еще какой. Послушай, ты, наверное, хочешь переодеться или еще что-нибудь... Я пойду сварю кофе. Жду тебя внизу.

В ванной комнате Фрэнни обнаружила чугунные ванну и умывальник, все в пятнах и щербинах. Когда она повернула бронзовый кран, он задребезжал и застучал, потом с яростью пожарного брандспойта выплюнул ржавую струю воды.

Фрэнни посмотрелась в большое настенное зеркало и поправила волосы. Ее все не покидало ощущение нереальности происходящего, будто она попала в другое измерение, где были свои, неизвестные ей законы.

В холле чувствовался сильный запах кофе, когда Фрэнни спустилась вниз, прошла через короткий коридор и очутилась в большой кухне, имеющей домашний, обжитой вид. Медные кастрюли стояли на полке над плитой, стены были увешаны связками лука и чеснока; игрушечные машинки выстроились вдоль полочки валлийского кухонного шкафчика; потрепанная тряпичная туфля лежала на дряхлом диване. Открытая дверь вела в судомойню.

Оливер сидел за старым сосновым столом с телефонной трубкой около уха, угрожающе далеко откинувшись на стуле и стуча карандашом по колену. Позади него булькала кофеварка, на которой горела красная лампочка.

– Ну хорошо, я буду в конторе днем, но всего час или около того. Сегодня у меня мало свободного времени. – Он подмигнул вошедшей Фрэнни.

В углу сосредоточенно возился, устраиваясь поудобнее на подстилке, Капитан Кирк, копавшийся в своих игрушках. Он сопел и пытел, а его хвост яростно мотался из стороны в сторону. Окна выходили во внутренний двор, который сейчас был в тени. На улице стояли ржавый вертел для мяса и садовая мебель.

– Хорошо, в три часа. Увидимся, – произнес Оливер с неохотой и повесил трубку. – Нет покоя грешникам.

Фрэнни взглянула на него.

– Арендаторы. Вечные проблемы. Я прямо как советник по брачным делам. – Он без всякого интереса просмотрел почту. – Меня больше всего пугает то, что они действительно следуют моим советам.

– Может, ты даешь хорошие советы, – предположила она.

– Нет, я просто умею выглядеть убедительно. – Он подошел к шкафу и достал две чашки.

– Сколько здесь прислуги? – спросила Фрэнни.

Он покачал головой:

– Никого.

– Никого? – Она была удивлена. – А та женщина, которая встретила нас, – миссис Дикден?

Оливер поставил чашки на стол.

– Миссис Бикбейн. Нет, она живет с мужем в деревне. Когда мне приходится уезжать, она остается с Эдвардом. Еще каждый день приходят четыре женщины, чтобы убрать в доме.

Он, прищурившись, посмотрел на конверт, вскрыл его пальцем, пробежал глазами письмо и бросил в мусорную корзину.

– А кто же готовит?

– Миссис Бикбейн или я. – Он ткнул себя большим пальцем в грудь, потом, повернувшись к кофеварке, выключил ее и наполнил чашки. – Боюсь, здесь все довольно скромно и даже примитивно. Все деньги уходят на содержание дома. Он очень долго был почти заброшен и теперь в совершенно отчаянном состоянии. Сахар или молоко?

– Черный, спасибо. А ты получаешь какие-нибудь субсидии?

– Совсем чуть-чуть – от фонда «Английское наследие» и местного совета, но это лишь часть того, что необходимо, небольшой взнос. – Он достал из холодильника бутылку молока и открыл ее. – Под северным крылом проседает грунт, это там, где выстроены леса. Чтобы подвести фундамент, необходимо три четверти миллиона. – Он угрюмо улыбнулся.

– Поэтому ты открыл дом для посетителей?

– С посетителей мы получаем не так много. Здесь бывает около шести тысяч человек ежегодно, по три фунта с человека; еще немного набегает от брошюр, чая, сувениров, но все уходит на зарплату работникам. Например, надо нанимать служителей для каждого зала. Но пришлось открыть дом для публики, чтобы можно было просить дотации на ремонт, – мы получаем от этого примерно четыреста тысяч фунтов.

– А тебе нужно найти остальную сумму?

– Да. – Оливер пододвинул Фрэнни ее чашку. Он стоял напротив и смотрел на девушку с нежностью. – Спасибо, что приехала.

Она улыбнулась, тронутая его тоном:

– Спасибо, что пригласил.

Воцарилось теплое, дружелюбное молчание, и Фрэнни вдруг захотелось, чтобы Эдвард не приезжал, чтобы они были здесь одни.

– Ты унаследовал все это от родителей?

Он присел на краешек стола и подул в чашку.

– Мой отец передал мне дом, чтобы не платить налогов после его смерти, и переехал в маленький домик на ферме. – Оливер смотрел на поднимающийся от чашки пар. – Для того чтобы избежать налога на наследство, он должен был прожить семь лет после передачи имущества. Но отец умер, не дожив двадцать четыре часа до того, как истекли эти семь лет.

– О боже! И тебе пришлось платить?

– Да, – он пожал плечами, – это было довольно обременительно. Я и сейчас продолжаю платить.

– Тебе пришлось что-нибудь продать?

– Две наши лучшие картины – Каналетто и Вермеера.

Он опустил плечи и прижал чашку к груди, будто заряжаясь ее теплом.

– Я считаю, что не должен распродавать эти вещи. Мне кажется, каждый, кто живет здесь, обязан сохранить все таким же, каким получил, и даже в лучшем состоянии. Я делаю все, что могу; надеюсь, когда-нибудь и Эдвард сделает все, что в его силах.

– Зан стоил бы очень дорого, если бы...

Зазвенел дверной звонок, и одновременно с ним раздался стук. Капитан Кирк пулей вылетел из кухни и помчался по коридору, яростно лая. Оливер поставил чашку на стол и вскочил.

– Это наверняка они! – произнес он и бросился открывать.

Фрэнни заколебалась, не зная, последовать за ним или остаться. Она услышала звук открывающейся двери и беспорядочный хор голосов.

– Эдвард! Эй, эй! Привет!

– Капитан Кирк! Здорово, Капитан Кирк! Хороший парень! Пап, знаешь что? Мы чуть не попали в аварию! Мы чуть не врезались!

Хотя Фрэнни всего один раз до этого слышала голос Эдварда, она сразу же узнала его.

– Да нет же, дурак! – произнес другой мальчишеский голос весьма настойчиво.

– Нет, правда, папа! Машина проскочила прямо перед нами. Нам пришлось очень резко затормозить.

– Машина была в миле от нас, дурак! Нам и вообще не нужно было тормозить!

– Привет, Клайв! – сказал Оливер. – Кэролайн! Вы все великолепно выглядите!

Фрэнни обратила внимание на фотографии, висевшие на стене, и подошла поближе. Там было несколько снимков симпатичной рыжеволосой женщины приблизительно ее возраста. Еще с одного снимка на нее глядели Оливер, мальчик, в котором Фрэнни узнала Эдварда, и женщина – вероятно, покойная жена Оливера, – стоящие у крыла небольшого самолета. Поражало сходство между мальчиком и женщиной. Не в силах сдержать любопытство, Фрэнни внимательно пригляделась к леди Шерфилд и отметила, что у нее были английские классические черты лица. Модный костюм для загородной местности. Фрэнни подумала, что может представить себе ее голос: звонкий, чистый, уверенный. И резкий?..

От фотографии исходило ощущение идиллии. Вся семья в сборе; может, хотели пойти куда-нибудь вместе или просто позировали. Фрэнни снова взглянула на женщину, и у нее вдруг промелькнула абсурдная мысль: возможно ли по снимку предсказать смерть человека? Она отступила назад, испугавшись столь мрачной идеи. Фрэнни подумала, чем бы заняться, ей хотелось выглядеть достойно, если вдруг Оливер приведет гостей сюда.

– Мы смертельно устали, – произнес женский голос в коридоре. – Мимо отеля, в котором мы ночевали, без конца проезжали грузовики.

– Эй, папа, а я на обед ел улиток, – снова раздался голос Эдварда.

Фрэнни почувствовала себя неловко, невольно подслушивая чужой разговор.

– Нет, не ел, – произнес другой мальчик. – Это вообще были не настоящие улитки.

– Нет, настоящие. Не бывает ненастоящих улиток.

– Мам, ну скажи, что это ненастоящие.

– Хотите кофе или чего-нибудь выпить?

– Нам уже пора, – сказал мужской голос. – Мать Кэролайн ожидает нас к обеду.

– У меня для тебя сюрприз, Эдвард! – сказал Оливер.

– Что? Скажи!

Внезапно наступила тишина – словно Оливер что-то шептал на ухо сыну. От былой уверенности Фрэнни и следа не осталось. Она услышала шаги и повернулась. В дверях стоял Эдвард в белой футболке, джинсах и сандалиях. Его лицо загорело, на нем проступило еще больше веснушек; обгоревший кончик носа шелушился.

Глаза Эдварда распахнулись, а рот расплылся в улыбке – точно так же улыбался его отец.
– Эй, ты та девушка с вокзала!

Фрэнни наконец расслабилась и улыбнулась ему в ответ, почувствовав прежнюю симпатию к мальчику.

– Да, это я.

Внезапно он посерьезнел:

– Мы чуть не попали в аварию.

– Правда?

– Какая-то женщина проскочила прямо перед нами. Дяде Клайву пришлось резко затормозить. – Он помолчал. – Это не настоящий мой дядя, но я зову его так.

– Как твои каникулы?

Он стоял, молча разглядывая ее, будто не слышал вопроса.

– Ужасное дело, – произнес женский голос в холле.

– Кто правил лодкой? – спросил Оливер.

– Сын Жан-Люка, Альберт. Вообще-то, он довольно внимателен. Ты знаешь, как это бывает. Детям нравится править лодкой; Эдвард водил ее немного и Доминик. Дело в том, что взрослые надрались – устроили пьянку, оставив ребят одних.

– И никто не заметил плывшую?

– Девушка была довольно далеко, но погода стояла безветренная. Он должен был увидеть ее; он не дурачился и не баловался, но не может объяснить, как такое произошло. Бедный Жан-Люк в ужасном состоянии.

– А ты умеешь кататься на водных лыжах? – спросил Эдвард.

– Нет.

– Я могу кататься даже на одной лыже. Это просто здорово. Причем на одной лыже с самого начала. Доминик так не умеет. Он стартует на обеих, а потом одну убирает.

В комнату вошел мальчик с пухлым лицом и неопрятными растрепанными белокурыми волосами, в яркой рубашке и шортах-бермудах. Он с вызывающим видом остановился на безопасном расстоянии от Эдварда и, злобно скривившись, закричал на него:

– Знаешь что? Ты колдун! Настоящий колдун! И настоящий дурак; и я больше никогда не хочу тебя видеть! Ты дурак, противный дурак! – Он подскочил к Эдварду, толкнул его в грудь и выбежал из комнаты.

Эдвард стоял не шелохнувшись, словно и не было никакого оскорбления, и Фрэнни восхитилась его выдержкой.

– Доминик испугался медузы и не стал купаться, – сообщил он как ни в чем не бывало.

В дверях появилась высокая привлекательная женщина. Она выглядела разгоряченной и утомленной путешествием; ее светлые волосы, повязанные яркой косынкой в цветочек, совсем спутались. На ней было помятое легкое платье. Выражение лица было надменным, и голос звучал точно так же: она говорила, растягивая слова и почти не разжимая губ.

– О, здравствуйте, – сказала она.

– Здравствуй, – ответила Фрэнни, чувствуя себя несколько задетой.

Женщина одарила ее мимолетной покровительственной улыбкой и вышла обратно в коридор.

Оттуда донеслись ее слова:

– Оливер, это новая няня?

«Сука», – подумала Фрэнни.

В голосе Оливера прозвучало замешательство.

– Нет... это Фрэнни... Пойдемте, я познакомлю вас, не думаю...

– Нет, нам действительно уже пора, – настаивала женщина.

Она и мужчина прокричали Эдварду:

– До свидания!

– Медуза может убить тебя в считанные секунды, – заявил Эдвард, игнорируя приятелей отца.

Оливер позвал сына:

– Эдвард, они уходят, иди попрощайся и поблагодари.

Мальчик скривил лицо и неохотно побрел к двери.

– Оливер, я собираюсь женить тебя, – произнес женский голос. – У меня есть на примете одна особа, ты обязательно должен с ней встретиться. Моя хорошая подруга, потрясающе выглядит. Недавно пережила кошмарный развод. Она тебе понравится. И самое главное: она получила ученую степень по математике в Кембридже! Я устрою что-нибудь для вас через неделю.

Фрэнни напряглась, безуспешно пытаясь услышать ответ Оливера, чувствуя острый укол ревности и желание выйти и задушить эту женщину. «Я здесь лишняя», – пронеслось у нее в голове. Она уже жалела, что не осталась в Лондоне и не пошла на вечеринку.

Голоса удалялись. Фрэнни с облегчением повернулась и вновь взглянула на фотографии, размышляя о взрослом не по годам, сдержанном поведении Эдварда во время ссоры с Домиником. На одном из снимков она узнала его с удочкой в маленькой весельной лодке на озере. За ним виднелся причал и нависшие над водой деревья. Поверхность озера была гладкой, и Эдвард держал свое удище с убийственно серьезным выражением лица.

– Ты умеешь ездить верхом?

Его голос вывел ее из задумчивости.

– Нет, – ответила она, оборачиваясь.

– Я могу научить тебя, если хочешь. Моя лошадь Шеба очень послушная.

Она улыбнулась:

– Ну что ж, попробую.

– Правда? – Его глаза загорелись. – Она уже довольно старая, ей четырнадцать лет. Это охотничья лошадь.

– Ты охотишься?

Хлопнула дверца машины, затем еще одна, и одновременно раздался звук, начавшийся с низкой ноты и выросший до пронзительного завывания полицейской сирены. Лишь через минуту Фрэнни поняла, что это человеческий крик.

– Мне, в общем, нравится охотиться; правда, я боюсь, что это жестоко, – спокойно произнес Эдвард, будто ничего не слыша.

– Думаю, стоит посмотреть, что там случилось, – забеспокоилась Фрэнни, когда крик усилился.

Она пошла к двери, Эдвард остался на месте. Девушка промчалась по коридору, выскочила на улицу и побежала по дорожке.

Вокруг серебристого «вольво», стоящего рядом с «рейнджровером», в панике суетились люди. Блондинка истерически вопила. Лысый, довольно толстый мужчина безуспешно пытался открыть заднюю дверцу машины. Одной ногой он уперся в колесо и обеими руками тянул за ручку.

Крик шел изнутри автомобиля. Голова мальчика виднелась через открытое окно. Кричал он. Его лицо исказилось от страдания.

К своему ужасу, Фрэнни увидела, что его руку защемило дверцей, там, где она крепилась к корпусу машины. Пальцы попали между ребром дверцы и рамой окна.

К машине бежал мужчина. Она заметила также миссис Бикбейн и еще одну женщину в такой же футболке с надписью «Местон-холл». Женщина в ярком платке, вероятно мать мальчика, забралась в «вольво» с противоположной стороны, перегнулась и толкала дверцу изнутри.

Мальчик продолжал кричать все громче, корчась от боли. Капли крови скользили вниз по полированной поверхности: темно-красные полосы на пыльном серебристом металле. Оливер подбежал, схватился за дверцу и тоже потянул. Обе ноги лысого толстяка на мгновение оторвались от земли, и он приложил все усилия, чтобы не потерять равновесие. Дверца наконец с треском распахнулась, словно взламываемый сейф.

На мгновение крик затих, шаги тоже. Три пальца один за другим отделились от стойки дверцы. Сначала Фрэнни подумала, что мальчик разжал руку. Но затем пальцы мягко упали на гравий. В тишине было слышно, как они шлепнулись о землю.

Оливер взял на себя командование. Он отправил миссис Бикбейн к телефону вызывать «скорую помощь», а Фрэнни приказал следовать за ним. Они вбежали в дом и через мгновение очутились в кухне. Эдвард куда-то пропал, но в панике девушка едва ли это заметила. Капитан Кирк с громким лаем ворвался вслед за ними.

– Полотенца в том ящике! – указал Оливер, открывая кран и озираясь вокруг. – Намочи их! – Он рывком распахнул один шкаф, другой, порывшись там и достал длинный стальной нож. Фрэнни скомкала в руках полотенца для посуды и окунула их в раковину с водой. Оливер помог их отжать, и они побежали обратно к машине.

Ошеломленная мать прижимала к руке сына окровавленный носовой платок. Оливер взял мальчика за руку и убрал платок. Указательный палец болтался на тонком лоскутке кожи. Из остальных обрубков хлестала кровь; несколько капель попало на джинсы Фрэнни, когда она стояла на коленях с полотенцами наготове. К ее горлу подступила тошнота. Ребенок кричал не переставая, выдыхая весь воздух из легких и набирая новую порцию, останавливаясь лишь на мгновение, чтобы проглотить слезы. Струйка горячей крови брызнула на щеку Фрэнни, другая – на лоб. Она почувствовала, как капли стекают на глаза. Отвернувшись, девушка с трудом сглотнула, сдерживая тошноту, не в силах смотреть на окровавленную руку и искаженное болью лицо.

Оливер обернул руку полотенцем, и Фрэнни помогла ему обмотать его вокруг запястья; затем то же самое проделали со вторым. Третье полотенце Оливер накинул сверху и, с помощью матери Доминика и Фрэнни, затянул его в тугую жгут, действуя ножом как рычагом. Отец мальчика взволнованно склонялся над ними, толкая их и мешая; его жалкая попытка помочь выдавала полную беспомощность.

Оливер собрал отрезанные пальцы, завернул их в отдельное полотенце и отдал Фрэнни:
– Упакуй это в лед.

Сцена привлекла внимание нескольких посетителей, стоящих в отдалении. Они обсуждали событие, пытаясь понять, что же произошло. Одна женщина высказала предположение, что мальчика укусила собака.

– Дом? С тобой все в порядке, Дом?

Эдвард бежал к ним, на его лице был написан ужас.

– Дом? – Он посмотрел на всех, затем перевел взгляд на Фрэнни. – Что случилось? – И тут увидел жгут, затянутый на руке друга. – Ой, Дом... – побледнел он.

Когда Фрэнни вошла в кухню, она задала себе вопрос: где же все это время был Эдвард и почему он не пошел вместе с ней? Она развернула полотенце и уставилась на три кровоточащих пальца. Как муляжи для розыгрышей, подумала она. Внезапно у нее закружилась голова, желудок свело в спазме. Фрэнни покачнулась, ухватила за край раковины, и ее вырвало. Из глаз потекли слезы, она вытерла их рукавом, затем вымыла раковину, руки и заставила себя действовать разумно.

В холодильнике стояло несколько поддонов со льдом. Девушка поискала подходящую емкость. Плач послышался ближе, в кухню вошел Оливер с травмированным ребенком на руках, а за ним родители мальчика и Эдвард. Миссис Бикбейн старалась успокоить Доминика,

уверяя его, что «скорая помощь» вот-вот приедет. Оливер положил мальчика на диван, а миссис Бикбейн подошла к раковине и стала разглядывать палыцы с удивительным хладнокровием, повергшим Фрэнни в замешательство.

– Я была медсестрой, – пояснила она.

Миссис Бикбейн помогла Фрэнни управиться со льдом, и рядом с ней девушка почувствовала себя неопытной и неумелой.

Крик постепенно перешел в прерывистый, всхлипывающий стон. Эдвард не отходил от друга и выглядел очень огорченным. Он попытался обнять его, но тот оттолкнул Эдварда и снова закричал, еще яростнее, чем прежде. Мать с побелевшим лицом сидела возле сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.